

Чарльз Уильям Моррис

Основания теории знаков

Nemo autem vereri debet ne characterum contemplatio nos a rebus abducat, imo
contra ad intima rerum ducet.

Gottfried Leibniz

(Никто не должен бояться, что наблюдение над знаками уведет нас от вещей:
напротив, оно приводит нас к сущности вещей. — Готфрид Лейбниц (лат.))

I. ВВЕДЕНИЕ. СЕМИОТИКА И НАУКА

Люди — это высшие из живых существ, использующие знаки. Разумеется, не только люди, но и животные реагируют на некоторые вещи как на знаки чего-то другого, но такие знаки не достигают той сложности и совершенства, которые обнаруживаются в человеческой речи, письме, искусстве, контрольных приборах, медицинской диагностике, сигнальных устройствах. Наука и знаки неотделимы друг от друга, поскольку наука дает в распоряжение людей все более надежные знаки и представляет свои результаты в форме знаковых систем. Человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков — а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков.

Едва ли когда-либо прежде знаки изучались столь интенсивно, столь многими людьми и со столь многих точек зрения. Эта армия исследователей включает лингвистов, логиков, философов, психологов, биологов, антропологов, психиатров, эстетиков, социологов. Однако еще нет теоретического построения, которое было бы достаточно простым, но вместе с тем достаточно широким, чтобы охватить результаты, полученные с разных позиций, и объединить их в единое и последовательное целое. Цель настоящей работы как раз и заключается в том, чтобы предложить такую объединяющую точку зрения и наметить контуры науки о знаках. Осуществить это в рамках данного очерка можно лишь фрагментарно, отчасти из-за его ограниченного объема, отчасти из-за недостаточного развития самой науки. Но главным образом из-за того, что данный очерк был предназначен для «Энциклопедии»*.

Отношение семиотики к наукам двоякое: с одной стороны, семиотика — это наука в ряду других наук, а с другой стороны, это — инструмент наук. Важное значение семиотики как науки кроется в том, что это — определенный шаг вперед в унификации науки, поскольку она закладывает основы любой другой частной науки о знаках — такой, как лингвистика, логика, математика, риторика и (по крайней мере до известной степени) эстетика. Понятие знака может оказаться важным для объединения социальных, психологических и гуманитарных наук, когда их отграничивают от наук физических и биологических. А поскольку, как будет показано ниже, знаки — это просто объекты, изучаемые биологическими и физическими науками и связанные между собой в сложных функциональных процессах, то объединение формальных наук, с одной стороны, и социальных, психологических и гуманитарных наук — с другой, создаст необходимую базу для объединения этих двух рядов наук с физикой и биологией. Семиотика, таким образом, может сыграть важную роль в деле объединения наук, хотя природу и степень участия семиотики в этом процессе еще предстоит выяснить. Но если семиотика — это полноправная

наука, изучающая вещи и свойства вещей в их функции служить знаками, то она в то же время и инструмент всех наук, поскольку любая наука использует знаки и выражает свои результаты с помощью знаков. Следовательно, метанаука (наука о науке) должна использовать семиотику как органон, или орудие. В статье «Научный эмпиризм» (т. 1, № 1) отмечалось, что изучение науки может быть целиком включено в изучение языка науки, поскольку изучение языка науки предполагает не просто изучение его формальной структуры, но и изучение его отношения к обозначаемым объектам, а также к людям, которые используют этот язык. В этой связи «Энциклопедия» как научное изучение науки есть изучение языка науки. Но так как ничто нельзя изучать без знаков, обозначающих объекты в изучаемой области, то и при изучении языка науки приходится использовать знаки, указывающие на знаки. Задача семиотики как раз и заключается в том, чтобы разработать необходимые знаки и принципы такого исследования. Семиотика создает общий язык, применимый к любому конкретному языку или знаку, а значит, применимый и к языку науки, и к особым знакам, которые в науке используются.

Руководствуясь практическими соображениями, в представлении семиотики как науки и как орудия объединения наук нам придется ограничиться лишь тем, что окажется необходимым для того, чтобы пользоваться «Энциклопедией», то есть разработать язык, на котором можно говорить о языке науки, и в процессе этого попытаться усовершенствовать сам язык науки. Понадобились бы многие другие исследования, чтобы конкретно показать результаты применения знакового анализа к отдельным наукам, а также общее значение этого анализа для объединения наук. Но даже и без подробной документации многим сейчас стало ясно, что человек — в том числе человек науки — должен освободить себя от сплетенной им самим паутины слов и что язык — в том числе язык науки — ретро нуждается в очищении, упрощении и упорядочении. Теория знаков — полезный инструмент для ликвидации последствий этого своеобразного «вавилонского столпотворения».

II. СЕМИОЗИС И СЕМИОТИКА

1. Природа знака

Процесс, в котором нечто функционирует как знак, можно назвать семиозисом. Этот процесс в традиции, восходящей к грекам, обычно рассматривался как включающий три (или четыре) фактора: то, что выступает как знак; то, на что указывает (*refers to*) знак; воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком. Эти три компонента семиозиса могут быть названы соответственно знаковым средством (или закононосителем) (*sign vehicle*), десигнатом, (*designatum*) и интерпретантой (*interpretant*), а в качестве четвертого фактора может быть введен интерпретатор (*interpreter*). Эти термины делают эксплицитными факторы, остающиеся необозначенными в распространенном утверждении, согласно которому знак указывает на что-то для кого-то.

Собака реагирует на определенный звук (знаковое средство [З]) типом поведения (интерпретанта [И]), как при охоте на бурундуков (десигнат [Д]); путешественник готовится вести себя соответствующим образом (И) в определенной географической области (Д) благодаря письму (З), полученному от друга. В этих примерах З есть знаковое средство (и знак в силу своего функционирования), Д — десигнат и И — интерпретанта интерпретатора. Наиболее эффективно знак можно охарактеризовать следующим образом: З есть знак Д для И в той степени, в какой И учитывает Д благодаря наличию З. Таким образом, в семиозисе нечто учитывает нечто другое опосредованно, то есть через посредство чего-то третьего. Следовательно, семиозис — это «опосредованное учитывание». Посредниками выступают знаковые средства, [обобщенное] учитывание — это интерпретанта, действующие лица процесса — интерпретаторы, а то, что учитывается, — десигнаты. Данная формулировка нуждается в комментариях.

Необходимо подчеркнуть, что термины «знак», «десигнат», «интерпретанта» и «интерпретатор» подразумевают друг друга, поскольку это просто способы указания на аспекты процесса семиозиса. Совсем не обязательно, чтобы на объекты указывалось с помощью знаков, но, если нет такой референции, нет и десигната; нечто есть знак только потому, что оно интерпретируется как знак чего-либо некоторым интерпретатором; [обобщенное] учитывание чего-либо является интерпретантой лишь постольку, поскольку оно вызывается чем-то, функционирующим в качестве знака; некоторый объект является интерпретатором только потому, что он опосредованно учитывает нечто. Свойства знака, десигната, интерпретатора или интерпретанты — это свойства реляционные, приобретаемые объектами в функциональном процессе семиозиса. Семиотика, следовательно, изучает не какой-то особый род объектов, а обычные объекты в той (и только в той) мере, в какой они участвуют в семиозисе. Важность этого обстоятельства все больше будет раскрываться в дальнейшем изложении.

Знаки, указывающие на один и тот же объект, не обязательно имеют те же самые десигнаты, поскольку то, что учитывается в объекте, у разных интерпретаторов может быть различным. Знак объекта в одном предельном случае, который теоретически следует иметь в виду, может просто привлечь внимание интерпретатора к объекту, тогда как в другом предельном случае знак позволит интерпретатору учесть все существенные признаки объекта при отсутствии самого объекта. Существует, таким образом, потенциальный знаковый континуум, в котором по отношению к каждому объекту или ситуации могут быть выражены все степени семиозиса, и вопрос о том, что представляет собой десигнат знака в каждой конкретной ситуации, есть вопрос о том, какие признаки объекта или ситуации фактически учитываются в силу наличия самого только знакового средства.

Знак должен иметь десигнат; тем не менее очевидно, что не каждый знак действительно указывает на какой-либо реально существующий объект. Трудности, которые такие утверждения могут вызвать, — только кажущиеся, и для их разрешения не требуется обращения к метафизическому царству «сущностей» («subsistence»). Поскольку «десигнат» — это семиотический термин, то вне семиозиса десигнатов быть не может, хотя объекты могут существовать и без семиозиса. Десигнат знака — это класс объектов, к которым применим знак, то есть объекты, обладающие определенными свойствами, которые интерпретатор учитывает благодаря наличию знакового средства. [Обобщенное] учитывание может иметь место и при фактическом отсутствии объектов или ситуации, свойства которых были учтены. Это справедливо даже в случае указывания жестом: иногда можно указывать, и не указывая конкретно на что-либо. Никакого противоречия не возникает, когда говорят, что у каждого знака есть десигнат, но не каждый знак соотносится с чем-либо реально существующим. В тех случаях, когда объект референции реально существует, этот объект является денотатом. Таким образом, становится ясно, что если десигнат есть у каждого знака, то не у каждого знака есть денотат. Десигнат — это не вещь, но род объекта или класс объектов, а класс может включать в себя или много членов, или только один член, или вообще не иметь членов. Денотаты же являются членами класса. Это различие делает понятным то, что можно полезть в холодильник за яблоком, которого там нет, или же готовиться к жизни на острове, которого, возможно, никогда не существовало или который давным-давно исчез под водой.

И наконец, последнее замечание, касающееся определения знака. Следует подчеркнуть, что общая теория знаков не должна себя связывать с какой-либо конкретной теорией о том, что происходит, когда нечто учитывается благодаря использованию знака. Видимо, стоит признать «опосредованное [обобщенное] учитывание» в качестве единственного исходного термина для развития

семиотической аксиоматики. Тем не менее сказанное выше вполне может быть интерпретировано с точки зрения бихевиоризма, которая и будет принята здесь. Однако такое толкование определения знака отнюдь не является необходимым. Оно принимается здесь потому, что бихевиористская точка зрения в той или иной форме (хотя и не в форме бихевиоризма Уотсона) получила широкое распространение среди психологов, а также потому, что многие трудности в истории семиотики обусловлены, по-видимому, тем, что на протяжении почти всей своей истории семиотика связывала себя с интроспективной психологией и психологией способностей. С точки зрения бихевиоризма, учесть Д вследствие наличия З — значит реагировать на Д в силу реакции на З. Как будет показано ниже, не обязательно отрицать «индивидуальный опыт» процесса семиозиса или каких-либо других процессов, но с точки зрения бихевиоризма нельзя считать, что это имеет важнейшее значение или что факт существования индивидуального опыта делает объективное изучение семиозиса (и, следовательно, знака, десигната и интерпретанты) невозможным или хотя бы неполным.

2. Измерения и уровни семиозиса

Отталкиваясь от трех соотносительных членов троичного отношения семиозиса (знаковое средство, десигнат, интерпретатор), можно абстрагировать и рассмотреть ряд бинарных отношений. Можно, например, изучать отношения знаков к их объектам. Это отношение мы назовем семантическим измерением семиозиса (обозначается символом Исем); изучение этого измерения назовем семантикой. Предметом исследования, далее, может стать отношение знаков к интерпретаторам. Это отношение мы назовем прагматическим измерением семиозиса (обозначается символом И), а изучение этого измерения — прагматикой.

Здесь пока не было введено еще одно важное отношение: формальное отношение знаков друг к другу. Это отношение не было в предшествующем изложении эксплицитно включено в определение «знака», поскольку в современном употреблении, по-видимому, не исключается возможность применять термин «знак» к чему-то, что не является членом некоторой системы знаков, — такая возможность предполагается, исходя из знаковых аспектов восприятия и различных, очевидно, изолированных друг от друга средств запоминания и сигнализации. Однако такое толкование не представляется вполне убедительным и не устраняет сомнений в существовании такого явления, как изолированный знак. Безусловно, каждый знак, хотя бы потенциально, если не фактически, имеет связи с другими знаками, ибо только с помощью других знаков может быть сформулировано то, к учитыванию чего знак готовит интерпретатора. Разумеется, такое формулирование вовсе не обязательно, но в принципе оно возможно, и тогда данный знак вступает в отношения с другими знаками. Поскольку во многих случаях знаки, кажущиеся на первый взгляд изолированными, на самом деле таковыми не являются и поскольку все знаки, хотя бы потенциально, если не фактически, связаны с другими знаками, то целесообразно выделить третье измерение семиозиса, столь же правомерное, как и два других, названных выше. Это измерение мы назовем синтактическим измерением семиозиса (обозначается символом Исин), а изучение его — синтактикой.

Для обозначения определенных отношений знаков к знакам, к объектам, к интерпретаторам было бы удобно иметь специальные термины. Так, «имплицирует» будет ограничено Исин, «означает» и «денотирует» — Исем, а «выражает» — Ипрагм. Например, слово стол имплицирует (но не обозначает) «предмет мебели с горизонтальной верхней поверхностью, на которой могут быть разложены вещи», означает же оно определенный род объекта (предмет мебели с горизонтальной верхней поверхностью, на которой могут быть разложены вещи); денотирует те объекты, к которым это слово применимо, и выражает своего интерпретатора. В

каждом данном случае некоторые из измерений могут фактически или практически исчезать. Так, знак может не иметь синтаксических связей с другими знаками, и тогда его имплицативность фактически утрачивается; знак может иметь имплицативность и при этом не денотировать никакого объекта; и наконец, знак может иметь имплицативность при фактическом отсутствии интерпретатора и, следовательно, не иметь своего выражения — например, слова в мертвом языке. Но даже в таких крайних случаях названные термины удобны — с их помощью можно указать, что некоторые из возможных отношений остались нереализованными.

Очень важно видеть различие между отношениями, присущими данному знаку, и знаками, которые мы используем, когда говорим об этих отношениях, — полное осознание этого является, быть может, самым важным общим практическим приложением семиотики. Функционирование знаков — это, в общем, способ, при котором одни явления учитывают другие явления с помощью третьего, опосредующего класса явлений. Но если мы хотим избежать величайшей путаницы, нам следует тщательно разграничить уровни этого процесса. Семиотика как наука о семиозисе столь же отлична от семиозиса, как любая наука от своего объекта. Если x функционирует таким образом, что x учитывает z через посредство x , тогда мы можем сказать, что x — знак и что x означает z и т. п.; здесь «знак» и «означает» — это знаки более высокого уровня семиозиса, указывающие на процесс семиозиса более низкого уровня. Теперь уже определяется определенное отношение между l : и z , и не только одним z ; определяется x , определяется z и определяется отношение, и таким образом x становится знаком, а z — десигнатом. Если означение-десигнация может происходить на разных уровнях, то соответственно существуют и разные уровни десигнатов; «означение» оказывается знаком в пределах семиотики (и, в частности, в пределах семантики), поскольку это знак, который используется для указания (референции) на знаки.

Для констатации фактов о знаках семиотика как наука пользуется особыми знаками, это некий язык, на котором можно говорить о знаках. Семиотика включает в себя три подчиненные ей дисциплины — синтактику, семантику и прагматику, которые изучают соответственно синтаксическое, семантическое и прагматическое измерения семиозиса. Каждая из этих дисциплин нуждается в собственных специальных терминах; термин «имплицитует», употребленный раньше, — это термин синтактики; «означает» и «денотирует» — термины семантики, а «выражает» — прагматики. А поскольку разные измерения — это лишь аспекты одного и того же процесса, то между терминами этих дисциплин обнаруживаются определенные связи; и понадобятся особые знаки для характеристики этих связей и тем самым процесса семиозиса в целом. Термин «знак» — это термин семиотики в целом; его невозможно определить в пределах одной лишь синтактики, семантики или прагматики; лишь при очень широком использовании термина «семиотический» можно сказать, что все термины этих дисциплин являются семиотическими терминами.

Можно попытаться систематизировать совокупность терминов и утверждений, относящихся к знакам. В принципе, семиотику можно представить как дедуктивную систему с неопределяемыми терминами и исходными предложениями, которые позволяют вывести в качестве теорем другие предложения. Поскольку наука стремится именно к такой форме представления, семиотика, как наука, имеющая дело исключительно с отношениями, особенно пригодна для применения к ней новой логики отношений. Тем не менее вряд ли целесообразно или возможно применять этот тип изложения в данном очерке. Представителями формальной логики, эмпиризма, прагматизма, бесспорно, многое было достигнуто в общем изучении знаковых отношений, но полученные результаты составляют, по-видимому, лишь небольшую часть того, что можно было бы ожидать; предварительная

систематизация в отдельных областях семиотики еще только начинается. По этой причине, а также потому, что настоящий очерк выполняет функцию введения, вряд ли целесообразна попытка формализации семиотики, поскольку это заставило бы нас выйти далеко за пределы существующего состояния предмета и могло бы затемнить ту роль, которую призвана сыграть семиотика в объединении наук.

Однако именно к этой цели нам следует стремиться. Когда она будет достигнута, возникнет так называемая чистая семиотика (*pure semiotic*), которая будет включать в себя в качестве составных частей чистую синтактику, чистую семантику и чистую прагматику. В систематической форме будет разработан метаязык, с помощью которого будут обсуждаться все знаковые ситуации. Применение этого языка для описания конкретных разновидностей знаков можно было бы назвать дескриптивной семиотикой (или соответственно дескриптивной синтактикой, семантикой или прагматикой). И в этом смысле настоящая «Энциклопедия», поскольку она рассматривает язык науки, есть особенно важное проявление дескриптивной семиотики, в которой изучение структуры языка науки входит в компетенцию дескриптивной синтактики, изучение отношения этого языка к реально существующим ситуациям подпадает под дескриптивную семантику, а рассмотрение отношения этого языка к его создателям и пользователям — компетенция дескриптивной прагматики. С этой точки зрения «Энциклопедия» в целом относится к области как чистой, так и дескриптивной семиотики.

3. Язык

Сказанное выше применимо ко всем знакам, как к простым, так и к сложным. Следовательно, оно применимо и к языкам как особому виду знаковой системы. Термин «язык», так же как большинство терминов, относящихся к знакам, неоднозначен, поскольку его признаки могут быть сформулированы в терминах различных измерений. Так, представитель формальной логики склонен рассматривать как язык любую аксиоматическую систему, независимо от того, обозначает ли эта система какие-нибудь объекты и использует ли ее реально какая-либо группа интерпретаторов; представитель эмпиризма, напротив, склонен подчеркивать необходимость связи знаков с объектами, которые они обозначают и свойства которых они верно констатируют; и наконец, представитель прагматизма склонен рассматривать язык как тип коммуникативной деятельности, социальной по происхождению и сущности, с помощью которой члены социальной группы более успешно удовлетворяют свои индивидуальные и общие нужды. Преимущество исследования, учитывающего три измерения, состоит в том, что оно признает обоснованными все эти точки зрения, поскольку они отражают три аспекта одного и того же явления; для удобства можно указывать тип рассмотрения (и, следовательно, абстракции) — $L_{\text{син}}$, $L_{\text{сем}}$, $L_{\text{прагм}}$. Выше уже отмечалось, что знак может не обозначать никаких реальных объектов (то есть не иметь денотата) или не иметь реального интерпретатора. Аналогичным образом могут существовать языки как разновидность знакового комплекса, которые в данный момент времени ни к чему не применяются и которые либо имеют единичного интерпретатора, либо вообще не имеют его, подобно тому как незаселенное здание все равно может быть названо домом. Однако нельзя считать языком совокупность знаков, у которой отсутствует синтактическое измерение, так как единичные знаки обычно языками не признаются. Но и этот случай для нас является важным, ибо, согласно принятой выше точке зрения (а именно: потенциально каждый знак синтактически связан с теми знаками, с помощью которых формулируется его десигнат, то есть род ситуации, к которой он применим), даже изолированный знак потенциально является знаком языка. Можно было бы также сказать, что изолированный знак имеет определенные отношения к самому себе, и тем самым синтактическое измерение, или что нулевое синтактическое измерение — это лишь особый случай

синтаксического измерения. Все эти случаи важны, потому что они показывают степень независимости различных измерений и, следовательно, степень независимости $L_{\text{син}}$, $L_{\text{сем}}$ и $L_{\text{прагм}}$. Они свидетельствуют также о том, что нет абсолютной границы между знаками единичными, знаками в предложении и языками, — положение, которое особо подчеркивал Пирс.

Следовательно, язык как система взаимосвязанных знаков имеет такую синтаксическую структуру, что некоторые из допустимых в ней сочетаний знаков могут функционировать как утверждения, и имеет такие знаковые средства, которые могут быть общими для многих интерпретаторов. Синтаксические, семантические и прагматические аспекты такой характеристики языка станут яснее, когда будут рассмотрены соответствующие части семиотики. Из этого следует, что если полная характеристика отдельного знака возможна лишь тогда, когда указано его отношение к другим знакам, к объектам и к его пользователям, то и исчерпывающая характеристика языка возможна лишь при указании того, что ниже будет названо синтаксическими, семантическими и прагматическими правилами, управляющими знаковыми средствами. Пока же необходимо отметить, что предлагаемая здесь характеристика языка является в строгом смысле семиотической, учитывающей все три измерения; мы избавимся от многих недоразумений, если осознаем, что слово «язык» в обычном использовании часто означает лишь один из аспектов того, что есть язык в полном смысле слова. Прояснить ситуацию помогает простая формула: $L = L_{\text{син}} + L_{\text{сем}} + L_{\text{прагм}}$.

Языки могут различаться по степени сложности своей структуры, по области означаемых объектов, по задачам, которые они могут адекватно выполнять. Такие естественные языки, как английский, французский, немецкий и др., принадлежат в этом смысле к наиболее богатым языкам и получили название универсальных языков, ибо с их помощью может быть выражено все. Однако в решении определенных задач такое богатство может оказаться помехой. В универсальных языках зачастую очень трудно понять, в пределах какого измерения тот или иной знак преимущественно функционирует, не указываются четко разные уровни референции символов. Такие языки, следовательно, неоднозначны, что приводит к явным противоречиям — обстоятельство, в некоторых отношениях (но не во всех) крайне неудобное. Приемы, способствующие научной ясности, могут ослабить потенциальные возможности эстетического использования знаков и наоборот. Исходя из этих соображений, неудивительно, что люди создали некоторые специальные и ограниченные языки для более успешного осуществления некоторых целей: математику и формально логику для выявления синтаксической структуры, эмпирическую науку для более точного описания и предсказания природных процессов, изобразительное и прикладное искусство для показа и сохранения того, что дорого людям. Особенно слабо в обычном языке представлены средства, необходимые для того, чтобы говорить о языке, и задача семиотики как раз и состоит в том, чтобы создать язык, который удовлетворял бы этой потребности. Для осуществления своих собственных задач эти специальные языки могут выделять одни измерения функционирования знаков в большей степени, чем другие; тем не менее эти другие измерения, по-видимому, редко отсутствуют полностью, и такие языки можно рассматривать как особые случаи, подпадающие под полное семиотическое описание языка, которое было предложено.

В общем происхождение систем взаимосвязанных знаков объяснить нетрудно. Знаковым средствам, как всем природным сущностям, присуща связанность экстраорганических и интраорганических процессов. Слова, которые мы произносим или поем, являются в буквальном смысле составными частями реакции нашего организма, тогда как письмо, живопись, музыка и различные сигналы — это непосредственные продукты нашего поведения. Что касается знаков другого

характера, нежели поведение или продукты поведения, — например, знаковых факторов восприятия, — то эти знаки взаимосвязаны, потому что взаимосвязаны их знаковые средства. Гром становится знаком молнии, а молния — знаком опасности именно потому, что гром, молния и опасность действительно связаны друг с другом специфическим образом. Если w ожидает x при наличии y , а z при наличии x , то взаимосвязанность этих двух вероятностей делает весьма естественным для w ожидать z при наличии y . Благодаря взаимосвязанности явлений, с одной стороны, и взаимосвязанности действий — с другой, знаки становятся взаимосвязанными, и возникает язык как система знаков. В целом синтаксическая структура языка — это функция как объективных явлений, так и поведения, но не того или другого в отдельности, это положение можно назвать двойным регулированием структуры языка. Более подробно оно будет рассмотрено ниже, но уже сейчас очевидно, что в объяснении структуры языка оно позволяет избежать крайностей как конвенционализма, так и традиционного эмпиризма. По указанным причинам совокупность знаков имеет тенденцию превращаться в знаковую систему; это справедливо и для знаков, воспринимаемых органами чувств: жестов, музыкальных тонов и живописи; для речи и письма. В одних случаях системная организация относительно свободна и вариативна и может включать в себя подсистемы различной степени организованности и взаимосвязанности; в других случаях она относительно замкнута и стабильна, как, например, язык математики и других наук. Такие знаковые структуры можно подвергнуть анализу по трем измерениям: исследование самой структуры знаков, их отношения к тому, что они обозначают, и их отношения к интерпретаторам. Теперь мы перейдем к обсуждению в общих чертах синтактики, семантики и прагматики языка, не упуская из виду связь каждого измерения, то есть каждой области семиотики, с двумя другими. Затем на основе абстракций, полученных при таком рассмотрении, мы особо остановимся на единстве семиотики.

III. СИНТАКТИКА

1. Формальная концепция языка

Синтактика как изучение синтаксических отношений знаков независимо от их отношения к объектам или интерпретаторам разработана лучше других отраслей семиотики. С этой точки зрения огромная работа была проделана в лингвистике, проделана зачастую неосознанно, ценой многих заблуждений. Свойственный логикам издревле интерес к логическому выводу, хотя нередко в истории и перекрывался различными другими соображениями, все же подразумевает изучение отношений между определенными сочетаниями знаков в языке. Особое значение имело представление древними греками математики в форме дедуктивной или аксиоматической системы, благодаря которой человечество получило образец тесно связанной системы знаков, где с помощью действия над некоторыми исходными совокупностями знаков могли быть получены другие совокупности знаков. Такие формальные системы представляли собой материал, изучение которого делало развитие синтактики неизбежным. Именно лингвистические, логические и математические соображения привели математика Лейбница к концепции общего формального искусства (*speciosa generalis*), которое включало общее характеризующее искусство (*ars characteristic*), особенно теорию и искусство такого построения знаков, при котором все выводы о соответствующих «идеях» можно было сделать из рассмотрения самих знаков, и общее комбинаторное искусство (*ars combinatoria*), общее исчисление, дающее универсальный формальный метод извлечения выводов из знаков. После Лейбница унификация математического языка и метода в символической логике получила дальнейшее плодотворное развитие благодаря усилиям Буля, Фреге, Пеано, Пирса, Рассела, Уайтхеда и др. Теория синтаксических отношений наиболее глубоко была разработана в наши дни в

логическом синтаксисе Карнапа. Для целей настоящей работы достаточно упомянуть лишь самые общие положения этой теории.

Логический синтаксис сознательно отвлекается от всего, что в данной работе было названо семантическим и прагматическим измерениями семиозиса, и сосредоточивает внимание на логико-грамматической структуре языка, то есть на синтаксическом измерении семиозиса. При таком рассмотрении «язык» (т. е. Лсин) выступает как совокупность объектов, связанных между собой в соответствии с двумя классами правил: правил образования, которые определяют допустимые самостоятельные сочетания членов данной совокупности (такие сочетания называются предложениями), и правил преобразования, определяющих предложения, которые могут быть получены из других предложений. И те и другие правила можно определить термином «синтаксическое правило». Синтактика, следовательно, — это изучение знаков и их сочетаний, организованных согласно синтаксическим правилам. Ее не интересуют ни индивидуальные свойства знаковых средств, ни какие-либо их отношения, кроме синтаксических, то есть определенных синтаксическими правилами.

Будучи исследованными с этой точки зрения, языки неожиданно оказались сложными, а сам подход — удивительно плодотворным. Появилась возможность дать точное определение исходных, аналитических, контрадикторных (противоречащих) и синтетических предложений, а также доказательства и деривации. Благодаря формальной точке зрения оказалось возможным разграничить логические и дескриптивные знаки, определить синонимические знаки и эквивалентные предложения, охарактеризовать содержание предложения, разрешать логические парадоксы, классифицировать некоторые типы выражений, внести ясность в модальные выражения необходимости, возможности и невозможности. Эти и многие другие результаты были частично систематизированы в форме некоторого языка. Большинство терминов логического синтаксиса может быть определено исходя из понятия вывода (consequence). Таким образом, в настоящее время разработан более точный, чем когда-либо раньше, язык, с помощью которого можно говорить о формальном измерении языков. Полученные логическим синтаксисом результаты представляют значительный интерес.

Однако в данном очерке нас интересует лишь отношение логического синтаксиса к семиотике. Ясно, что это — сфера синтактики, в сущности, от него было произведено и само это название. Все достижения логического синтаксиса могут быть усвоены синтактикой. Не вызывает сомнения и тот факт, что он является наиболее развитой частью синтактики, а тем самым и семиотики. По духу и методу он может многим обогатить семантику и прагматику, и есть свидетельства того, что его влияние в этих областях уже начинает ощущаться.

Многие из частных результатов логического синтаксиса имеют аналоги в других отраслях семиотики. В качестве иллюстрации будем использовать термин «предложение о вещах», или «вещное предложение» (thing-sentence), для обозначения любого предложения, десигнат которого не включает знаки; такое предложение высказывается о вещах и может изучаться семиотикой. При этом словоупотреблении ни одно предложение семиотических языков не является объектным предложением. В настоящее время Карнап показал, что многие предложения, которые на первый взгляд кажутся объектными предложениями, а значит, предложениями об объектах, не являющихся знаками, на поверку оказываются псевдообъектными предложениями и должны быть интерпретированы как синтаксические утверждения о языке. Но по аналогии с этими квазисинтаксическими предложениями существуют также квазисемантические и квазипрагматические предложения, которые кажутся предложениями о вещах, но которые нужно интерпретировать исходя из отношения знаков к десигнатам или из

отношения знаков к интерпретаторам.

Развивать синтактику в некоторых отношениях проще, чем другие отрасли семиотики, ибо значительно легче изучать отношения знаков друг к другу, особенно в случае письменных знаков, как отношения, определенные правилом, чем описывать объективно существующие ситуации, в которых употребляются те или иные знаки, или описывать то, что происходит в интерпретаторе, когда функционирует знак. По этой причине выделение некоторых различий с помощью синтактического исследования помогает в поисках аналогичных им явлений в семантических и прагматических исследованиях.

Однако при всей важности роли логического синтаксиса его нельзя отождествить с синтактикой в целом. Логический синтаксис (как показывает термин «предложение») ограничивает свой круг исследований синтаксической структуры лишь таким типом знаковых сочетаний, которые преобладают в науке, то есть сочетаниями, которые с семантической точки зрения называются утверждениями, включая также сочетания, которые используются при их преобразовании. Так, исходя из словоупотреблений Карнапа, приказание не есть предложение, не является предложениями и многие стихотворные строки. Следовательно, «предложение» как термин, согласно Карнапу, применим не к каждому самостоятельному сочетанию знаков, допускаемому языковыми правилами, хотя совершенно ясно, что синтактика в широком смысле должна заниматься всеми подобными сочетаниями. Таким образом, остается ряд синтаксических проблем в области знаков восприятия, эстетических знаков, в сфере повседневного использования знаков и общего языкознания, которые не рассматривались в рамках того, что в настоящее время понимается под логическим синтаксисом, но которые тем не менее образуют часть синтактики.

2. Языковая структура

Рассмотрим теперь более подробно структуру языка, прибегая к помощи семантики и прагматики в тех случаях, когда они могут пролить свет на синтаксическое измерение семиозиса.

При наличии множества знаков, используемых одним и тем же интерпретатором, всегда существует возможность определенных синтаксических отношений между знаками. Если существуют два знака, S_1 и S_2 , используемые так, что S_1 (скажем, животное) применяется к любому объекту, к которому применяется S_2 (скажем, человек), но не наоборот, тогда в силу подобного употребления знаковый процесс (семиозис), связанный с функционированием S_1 включен в знаковый процесс S_2 ; интерпретатор будет реагировать на объект, обозначенный знаком человек, так же, как он реагировал бы на объект, обозначенный знаком животное, но будут иметь место и некоторые дополнительные реакции интерпретатора, которые не вызвало бы животное, к которому неприменимо слово человек и к которому применимы другие слова (такие, как амёба). Таким образом, слова приобретают друг с другом связи, соответствующие связям реакций, частью которых являются знаковые средства. Способы их употребления и составляют прагматический фон правил образования и преобразования. Синтаксическая структура языка — это взаимосвязанность знаков, обусловленная взаимосвязанностью реакций, результатом или частью которых являются знаковые средства. Представитель формальной логики формулирует реакции в виде знаков; и хотя он начинает с произвольного набора правил, в качестве предварительного условия он признает взаимосвязанность реакций, которая должна быть у возможных интерпретаторов до того, как о них можно будет сказать, что они употребляют данный язык.

Если единичный знак (например, конкретное указание жестом) может обозначать только единичный объект, он имеет статус индекса; если он может обозначать множество вещей (как, например, слово человек), то он способен сочетаться различным образом со знаками, которые эксплицируют или ограничивают сферу его

применения; если же он может обозначать всё (как, например, слово нечто), то тогда он имеет связи со всеми знаками и тем самым имеет универсальную имплицативность, иначе говоря, имплицитруется каждым знаком языка. Эти три вида знаков будут названы соответственно индексальными, характеризующими и универсальными.

Знаки, таким образом, могут различаться тем, в какой степени они обуславливают определенные ожидания. Если мы скажем: «Указывается нечто», — это не даст повода для определенных ожиданий, не позволит понять то, на что указывается; употребление слова животное без дальнейшего уточнения вызывает определенную совокупность реакций, но они еще недостаточно конкретизированы и не соотносятся поэтому с конкретным животным. Шагом вперед в данной ситуации было бы употребление слова человек, о чем свидетельствует различие реакций, когда мы знаем, что идет животное или идет человек; и наконец, употребление слова этот в реальной ситуации, подкрепленное жестом или позой, направляет внимание на конкретный объект, но дает минимум ожиданий относительно характера того, что обозначено. Универсальные знаки играют важную роль, позволяя говорить о десигнатах знаков обобщенно, без обязательной конкретизации знаков или десигнатов; ценность таких слов в определенных ситуациях видна из того, с какими трудностями сопряжены попытки избегать слов типа объект, сущность, нечто. Однако более важным является сочетание указывающих и характеризующих знаков (как в примере Эта лошадь бежит), поскольку в таком сочетании точность референции указывающего знака соединена с определенностью ожидания, связанной с характеризующим знаком. Сложные разновидности таких сочетаний изучаются формально в предложениях логических и математических систем, и именно к ним (при рассмотрении с точки зрения семантики) применимы предикаты истинности и ложности. Их важность отражена в том, что во всех формальных системах обнаруживается различие двух видов знаков, соответствующих указывающим и характеризующим знакам. Определенность ожидания может быть усилена за счет использования дополнительных знаков. В языковых структурах это проявляется в наличии особых средств, обеспечивающих разные степени детализации и уточнения подразумеваемых отношений знаков.

Используя термины, предложенные М. Дж. Андрейдом, можно сказать, что каждое предложение содержит знак-доминанту и некоторые спецификаторы, причем эти термины соотносительны друг с другом, поскольку то, что служит знаком-доминантой по отношению к определенным спецификаторам, само может быть спецификатором по отношению к более общему знаку-доминанте: так, слово белый делает более точным указание на лошадей, тогда как слово лошадь само может быть спецификатором по отношению к слову животное. Поскольку для адекватного понимания чего-либо необходимо указать местонахождение и существенные признаки и поскольку необходимая степень уточнения достигается сочетанием характеризующих знаков, постольку предложение, способное быть истинным или ложным, предполагает знаки-индексы, характеризующий знак-доминанту, а возможно, и характеризующие спецификаторы, а также некоторые знаки, показывающие отношение индексальных и характеризующих знаков друг к другу и к членам своих собственных классов. Отсюда общая формула такого предложения:

Характеризующий знак-доминанта [характеризующие спецификаторы (индексальные знаки)].

В таком предложении, как Эта белая лошадь бежит медленно, произнесенном в реальной ситуации и с индексальными жестами, бежит может считаться знаком-доминантой, медленно в качестве характеризующего спецификатора уточняет бежит; аналогичным образом, лошадь уточняет возможные случаи бежит медленно, белая ведет уточнение дальше, а эта в сочетании с индексальным жестом служит

индексальным знаком для определения местонахождения объекта, к которому нужно применить знак-доминанту со всеми полученными им уточнениями-спецификациями. Условия, в которых произносится высказывание, могут продиктовать, что в качестве знака-доминанты следует взять лошадь или какой-либо другой знак; таким образом, выбор знака-доминанты определяется, по существу, прагматическими соображениями. Знак-доминанта может быть даже более общим, чем любой из упомянутых: это может быть знак, показывающий, что дальше следует утверждение или мнение, которого придерживаются с определенной степенью уверенности. Вместо использования индексированного знака в той или иной реальной ситуации могут быть использованы характеризующие знаки, чтобы сообщить слушающему, как восполнить индексальный знак: Найди лошадь, такую, что...; указание делается на эту лошадь или Возьми любую лошадь, и эта лошадь... В том случае, когда референтом является совокупность объектов, указание может быть сделано на всю совокупность, на часть ее или на какой-нибудь конкретный объект или ряд объектов; такие слова, как все, некоторые, три, вместе с индексальными знаками и описаниями-дескрипциями указывают на то, какой именно из возможных денотатов характеризующего знака имеется в виду. Не обязательно, чтобы был только один указывающий знак; в таком предложении, как А дал В для С, выступают три соотносительных члена троичного отношения, которые должны быть уточнены индексальными знаками, употребленными либо в сочетании с другими способами, либо без них.

В связи со знаком для в предложении А дал В для С уместно подчеркнуть одно важное обстоятельство: для того чтобы получались вразумительные сочетания знаков, необходимо, чтобы в соответствующем языке были специальные знаки, указывающие на отношения других знаков, и чтобы эти знаки отличались от тех знаков в языке синтактики, которые означают эти отношения как свои десигнаты. В приведенных выше примерах -ит в бежит, -о в медленно, -а в эта, -ая в белая и т. п., положение А и В до и после знака-доминанты дал, положение для перед С — всё это указывает, какой знак уточняет (специфицирует) другой знак, какой индексальный знак обозначает (имеет своим денотатом) соотносительный член отношения и какие знаки являются индексальными, а какие характеризующими. Подобные функции в устном языке выполняют паузы, интонации и ударение, аналогичную помощь в письменном и печатном языках оказывают знаки препинания, ударения, скобки, курсив, величина букв и т. п. Такие знаки выполняют в языке в основном прагматическую функцию, но термин «скобки» и его импликаты принадлежат метаязыку. Метаязык не следует смешивать с языком, который является объектом его референции, но и в языке нужно провести различие между теми знаками, десигнаты которых находятся за пределами языка, и теми знаками, которые указывают на отношения между другими знаками в самом языке.

Изучавшиеся до сих пор синтактикой явления языка отражают различия, связь которых с функционированием языка в полном семиотическом смысле слова была признана. Синтактика признает классы знаков, такие, как индивидные постоянные и переменные, предикатные постоянные и переменные, которые являются формальными коррелятами различных видов индексальных и характеризующих знаков; операторы соответствуют спецификаторам классов; точки, круглые и квадратные скобки — это способы указания некоторых отношений между знаками внутри языка; слова типа «предложение», «вывод», «аналитический» — это термины синтактики, означающие (имеющие своими десигнатами) некоторые виды сочетаний знаков и отношений между знаками; «высказывательные», или «пропозициональные», функции соответствуют сочетаниям знаков, в которых отсутствуют некоторые индексальные спецификаторы, необходимые для полных предложений («пропозиций»); правила образования и преобразования

соответствуют тому, как знаки сочетаются между собой и производятся друг от друга реальными или потенциальными пользователями языка. Таким образом, формализованные языки, изучаемые современной логикой и математикой, предстают как формальные структуры реально существующих или возможных языков; пункт за пунктом они отражают важные черты языка в повседневном реальном употреблении. Сознательное абстрагирование формальной логики от других свойств языка и от того, как язык изменяется, помогает выделить особый предмет исследования: языковую структуру. Представителя формальной логики в отличие от грамматиста больше интересуют типы предложений и правила преобразования, действующие в языке науки. Но если стремиться к адекватному исследованию всей области синтактики, тогда к тому, что интересует логика, нужно добавить и то, что интересует грамматиста, то есть проблемы сочетания знаков и их преобразования в сферах, иных, чем язык науки.

IV. СЕМАНТИКА

1. Семантическое измерение семиозиса

Семантика имеет дело с отношением знаков к их десигнатам и тем самым к объектам, которые они обозначают (денотируют) или могут обозначать (денотировать). Как и в других дисциплинах, связанных со знаками, в семантике можно провести различие между чистой и дескриптивной семантикой. Чистая семантика предлагает терминологию и теорию, необходимые, чтобы говорить о семантическом измерении семиозиса, а дескриптивная семантика изучает реальные проявления этого измерения. Последний тип исследования исторически предшествовал первому; в течение многих веков лингвисты занимались изучением условий употребления тех или иных слов; представители философской грамматики пытались найти в природе соответствия языковым структурам и дифференциации частей речи; представители философского эмпиризма изучали в более общем виде условия, при которых можно сказать, что у знака есть денотат (часто лишь ради того, чтобы продемонстрировать, что термины, используемые их оппонентами-метафизиками, этим условиям не удовлетворяют). В спорах о термине «истина» всегда возникал вопрос об отношении знаков к вещам, но несмотря на длинную историю этих споров, сравнительно мало было сделано в области управляемого эксперимента или разработки языка, пригодного для того, чтобы говорить о семантическом измерении семиозиса. Экспериментальный подход, возникший благодаря бихевиоризму, открывает большие перспективы в определении реальных условий, при которых употребляются некоторые знаки; развитию языка семантики способствовали недавние дискуссии об отношении формальных языковых структур к их «интерпретациям», попытки (например, Карнапа и Рейхенбаха) более строго сформулировать учение эмпиризма, а также усилия польских логиков (особенно Тарского) формально и систематическим образом определить некоторые термины, имеющие для семантики ключевое значение. Тем не менее семантика еще не достигла той четкости и упорядоченности, которые свойственны определенным разделам синтактики.

Если внимательно поразмыслить, в таком положении нет ничего удивительного, ибо успешное развитие семантики предполагает относительно высоко развитую синтактику. Для того чтобы можно было говорить об отношении знаков к объектам, которые они обозначают, нужно иметь возможность как-то указать и на знаки, и на объекты, то есть необходимо иметь язык синтактики и так называемый «вещный язык» (язык семантики). Эта зависимость семантики от синтактики особенно очевидна, когда речь идет о языках, потому что в этой области невозможно обойтись без теории формальной структуры языка. Например, постоянно возникающий вопрос о том, отражает ли структура языка структуру естественного мира, не может быть

решен до тех пор, пока не будут выяснены термины «структура» и «структура языка»; неудовлетворительность дискуссий по этому вопросу в прошлом, несомненно, частично объясняется отсутствием ясности, которая в наше время была достигнута с помощью синтактики.

Сочетание знаков, подобное «"Fido"* означает (имеет десигнатом) Л», представляет собой пример предложения на языке семантики. Здесь «Fido» обозначает (денотирует) «Fido» (то есть законотворитель, или знаковое средство, а не внеязыковой объект), тогда как А — это индексальный знак некоторого объекта (им могло бы быть слово «это», употребленное в сочетании с каким-либо указывающим жестом). Таким образом, Fido — это слово в метаязыке, обозначающее (денотирующее) знак «Фидо» в языке-объекте; А — это слово, обозначающее (денотирующее) вещь, в «вещном языке», на котором говорят о вещах. «Означает (имеет десигнатом)» — это семантический термин, поскольку это — характеризующий знак, означающий (имеющий десигнатом) отношение между знаком и объектом. Семантика предполагает синтактику, но абстрагируется от прагматики; какими бы знаками семантика ни занималась — простыми или сложными (как, например, целая математическая система), — она ограничивает себя семантическим измерением семиозиса.

Наиболее важным добавлением к предыдущему изложению, которое дает изучение семантического измерения, является понятие «семантическое правило». В отличие от правил образования и преобразования, которые имеют дело с определенным сочетанием знаков и их отношениями, термин «семантическое правило» в пределах семиотики означает (имеет своим десигнатом) правило, определяющее, при каких условиях знак применим к объекту или ситуации; такие правила устанавливают соответствие между знаками и ситуациями, которые данные знаки способны обозначать (иметь своим денотатом, денотировать). Знак может обозначать (иметь денотатом) все то, что отвечает условиям, сформулированным в семантическом правиле, тогда как само правило констатирует условия означения (десигнации) и тем самым определяет десигнат (класс или род денотатов). Важное значение таких правил подчеркивали Рейхенбах, который рассматривал их в качестве определений координации, и Айдукевич, трактовавший их как эмпирические правила смысла; последний настаивает, что такие правила необходимы, чтобы однозначно охарактеризовать какой-либо язык, потому что, если имеют место различные семантические правила, два человека все равно не поймут друг друга, хотя и будут владеть одной и той же формальной языковой структурой. Таким образом, в дополнение к синтактическим правилам, характеристика языка требует констатации семантических правил, управляющих как отдельными знаковыми средствами, так и их сочетаниями (позже будет показано, что полная семантическая характеристика языка предполагает еще констатацию того, что будет названо прагматическими правилами).

Обычно правила использования знаковых средств не формулируются теми, кто употребляет язык, или формулируются только частично: они существуют скорее как навыки поведения, так что фактически встречаются только некоторые сочетания знаков, лишь некоторые сочетания знаков производятся от других и только некоторые знаки применяются к определенным ситуациям. Эксплицитное формулирование правил для данного языка требует символизации более высокого порядка и является задачей дескриптивной семиотики; в высшей степени трудно сформулировать, например, правила английского словоупотребления — мы увидим это, если попытаемся сформулировать условия, при которых употребляются слова *this* «этот» и *that* «тот». Вот почему исследователи в основном ограничивались фрагментами естественных языков и языками, созданными искусственно.

Знак имеет семантическое измерение, коль скоро существуют семантические

правила (независимо от того, сформулированы они или нет), которые определяют его применимость к некоторым ситуациям при некоторых условиях. Если словоупотребление сформулировано с помощью других знаков, получается следующая общая формула: знаковое средство x означает (имеет своим десигнатом) условия a, b, c, \dots , при которых оно применимо. Констатация этих условий дает семантическое правило для x . Когда какой-либо объект или ситуация отвечают требуемым условиям, они могут быть обозначены (денотированы) x . Само знаковое средство — это просто некий объект, и его способность обозначать, то есть иметь в качестве своего денотата другие объекты, определяется исключительно тем, что существуют правила употребления, устанавливающие корреляцию между двумя рядами объектов.

Семантическое правило для индексального знака, такого, как указание жестом, формулируется просто: в каждый момент знак означает (имеет своим десигнатом) то, на что указывается. В общем, индексальный знак означает то, на что он направляет внимание. Индексирующий знак не характеризует свой денотат (за исключением того, что приблизительно указывает его пространственно-временные координаты) и не должен быть похожим на то, что он обозначает. Знак же характеризующий характеризует то, что он может обозначать (денотировать). Это становится возможным благодаря тому, что знак обнаруживает в себе самом свойства, которыми должен обладать его объект как денотат, и в таком случае характеризующий знак является знаком иконическим; если это не так, характеризующий знак можно назвать символом. Фотография, карта звездного неба, модель — иконические знаки; тогда как слово фотография, названия звезд и химических элементов — символы. «Концепт» можно рассматривать как семантическое правило, определяющее употребление характеризующих знаков. Семантическое правило употребления иконических знаков состоит в том, что они обозначают (денотируют) те объекты, которые имеют те же свойства, что и сами знаки, или — чаще — некоторый ограниченный набор их признаков. Семантическое правило употребления символов формулируется с помощью других символов (правила употребления которых не подлежат выяснению) или посредством указания на конкретные объекты, служащие в качестве моделей (и следовательно, играющие роль иконических знаков); именно тогда соответствующий символ употребляется для обозначения объектов, сходных с моделями. Тот факт, что семантическое правило употребления символа может быть сформулировано с помощью других символов, позволяет (пользуясь термином Карнапа) сводить один научный термин к другим (или, говоря точнее, конструировать один термин на основе других), что делает возможной систематизацию языка науки. Именно потому, что без индексальных знаков нельзя обойтись (ведь символы в конечном счете подразумевают иконические знаки, а иконические знаки — знаки-индексы), в программе систематизации, предложенной физикалистами, процесс сведения вынужденно закончился принятием некоторых знаков в качестве исходных терминов, семантические правила употребления которых, определяющие их применимость к вещам, указанным индексами, должны приниматься как не требующие доказательства, но не могут быть сформулированы в рамках этой конкретной систематизации.

Семантическое правило употребления предложения предполагает отсылку и к семантическим правилам употребления составляющих его знаковых средств. Предложение — это сложный знак в том смысле, что десигнат индексального компонента является также десигнатом компонента, представляющего собой знак характеризующий. Десигнат предложения — это, следовательно, десигнат индексального знака, выступающий в качестве десигната характеризующего знака; когда ситуация удовлетворяет семантическому правилу предложения, она есть

денотат данного предложения (и о предложении тогда можно сказать, что оно истинно для этой ситуации).

Различие между индексальными знаками, иконическими знаками и знаками-символами (предложения являются комплексами знаков) объясняется различием видов семантических правил, Десигнатами индексальных знаков можно считать вещи, десигнатами одноместных характеризующих знаков — свойства, десигнатами двух(или более)-местных характеризующих знаков — отношения, десигнатами предложений — факты или положение дел; сущности могут быть десигнатами любых знаков, какими бы они ни были.

Знак может иметь правило употребления, определяющее, что он может обозначать (иметь в качестве денотата). Это не значит, что фактически он всегда употребляется согласно правилу — именно поэтому могут существовать знаки, по существу ничего *не обозначающие, то есть имеющие недействительную денотацию. Как было отмечено выше, само понятие знака предполагает понятие десигната, но отсюда не следует, что обозначаемые объекты должны существовать реально. Десигнат знака есть то, что знак может обозначать, то есть такие объекты или ситуации, которые в соответствии с семантическим правилом употребления могли бы быть соотнесены со знаковым средством с помощью семантического отношения денотации. Теперь в отличие от ваших предшественников мы знаем, что утверждение о том, что составляет десигнат того или иного знака, само предполагает использование терминов, находящихся в синтаксических отношениях, поскольку семантическое правило употребления определяет, что именно означает данный знак, если взять его в отношении к другим знакам. Бесспорно, «десигнат» — это термин семиотики, тогда как на вопрос о том, существуют ли объекты того или иного рода, можно ответить только путем рассуждений, выходящих за пределы семиотики. Неумение отделять семиотические утверждения от предложений о вещах привело к появлению, многочисленных псевдопредложений о вещах. Сказать, что существует «мир сущностей» наряду и наравне с «миром существующего» (поскольку «Когда мы думаем, мы должны думать о чем-то»), значит дать образец квазисемантического утверждения: кажется, что в нем говорится о мире так же, как в физике, но в действительности это утверждение является псевдоформой (an ambiguous form) семантического предложения, а именно: для каждого знака, способного обозначать (денотировать) нечто, может быть сформулировано семантическое правило, которое определяет условия применения данного знака. Из этого утверждения, в пределах семантики аналитически вполне корректного, ни в коей мере не вытекает, что существуют объекты, обозначенные такими знаками, — объекты, относящиеся к «миру сущностей», а не к «миру существующего».

2. Языковые и неязыковые структуры

Одна из самых старых и устойчивых теорий гласит, что языки отображают мир неязыковых объектов (либо соответствуют, являются изоморфными ему). В классической традиции часто утверждалось, что это отображение имеет три аспекта: мышление отражает свойства объектов; разговорный язык, состоящий из звуков, которые мозг наделил репрезентативной функцией, в свою очередь отражает виды и отношения мыслительных явлений, а тем самым и мир немыслительных объектов.

Разумеется, в том, что эта традиция долгое время сохраняла свою жизнеспособность, заключается нечто, заслуживающее внимания; знаменательно также и то, что традиция эта постепенно слабела и наконец была даже отвергнута некоторыми из ее наиболее яростных в прошлом поборников. Какой свет может пролить на эту ситуацию общая семиотика? Пытаясь ответить на этот вопрос, мы увидим, что суть дела заключается в том, что единственно релевантное отношение, которое существует между знаками и другими объектами, — это отношение,

установленное семантическими правилами.

Представляется вероятным, что крайности и трудности, связанные с попытками найти полное семантическое соответствие между языковыми знаками и другими объектами, объясняются игнорированием или чрезмерным упрощением синтаксического и прагматического измерений семиозиса. Было уже отмечено, что необходимым условием существования языка является наличие в нем ряда особых знаков, указывающих на синтаксические отношения между другими знаками в этом языке. Примерами подобных знаков являются паузы, интонации, порядок знаков, предлоги, аффиксы, суффиксы и т. д. Такие знаки функционируют преимущественно в синтаксическом и прагматическом измерениях; коль скоро они имеют и семантическое измерение, они обозначают знаковые средства, а не внеязыковые объекты. Вряд ли можно считать, что такие знаки помогают установить своего рода изоморфизм между остальными знаками и внеязыковыми объектами, потому что подобный изоморфизм может быть гораздо более сложным, чем отношение модели к тому, что она моделирует. Пространственные отношения между знаками могут не соответствовать пространственным отношениям между вещами, но здесь, возможно, есть некоторое отношение корреляции, а именно: каждому пространственному отношению между знаками соответствует некоторое отношение между объектами, обозначенными этими знаками. Все эти особенности не только можно, но и нужно проанализировать специально; если они не имеют силы для всех знаков, то, возможно, они имеют силу лишь для некоторых из них, а именно для тех, на которые распространяются семантические правила, соотносящие их с внеязыковыми ситуациями. Однако поборникам изоморфизма пока еще не удалось доказать, что дело обстоит именно так или должно обстоять так для того, чтобы был возможен язык.

Неубедительность общей теории [изоморфизма] становится еще очевиднее, когда привлекаются и такие знаки, как *all* «все», *some* «некоторые», *the* (определенный артикль), *not* «не», *point of infinity* «показатель бесконечности», —1. Первые три знака указывают, какое количество из класса, определенного тем или иным характеризующим знаком, надо учитывать. Слово *not* имеет преимущественно практическую ценность, поскольку оно позволяет указывать на нечто другое, чем то, на что было конкретно указано, не уточняя, что» именно представляет собой это другое. Когда слово *not* получает такое семантическое разъяснение, его практическая важность не вызывает сомнения, но с теоретической точки зрения оно в языке не является необходимым, и, уж конечно, нет нужды искать какие-либо реально существующие «отрицательные факты», которые бы ему соответствовали. Упомянутые математические термины обычно рассматриваются как знаки, добавленные к языку, с тем чтобы сделать возможными некоторые операции, иначе невозможные, и чтобы можно было сформулировать с наибольшей степенью обобщения некоторые выражения, в противном случае нуждавшиеся в ограничениях.

В общеупотребительном языке есть также много знаков, которые указывают на реакцию того, кто пользуется знаками, на описываемую ситуацию (например, к счастью в предложении *К счастью, он пришел*) или даже на знаки, которые он сам использует в описании (например, при выражении разной степени уверенности в том или ином утверждении). Такие слова в дискурсе имеют семантическое измерение только на более высоком уровне семиозиса, поскольку прагматическое измерение процесса семиозиса денотируется не в этом процессе, а лишь в процессе более высокого уровня. Как и в случае преимущественно синтаксических явлений языка, явления главным образом прагматические не следует смешивать с элементами, соотношенными при помощи семантических правил с внеязыковыми объектами, которые обозначаются как денотаты. Традиционной разновидности теории

изоморфизма не удалось разграничить различные измерения семиозиса и различные уровни языков и десигнатов. В какой мере может быть принят какой-либо из ограниченных вариантов этого тезиса, можно определить только после того, как он будет сформулирован. Ясно, однако, что, когда рассматривается язык в целом, его синтаксическая структура является функцией как прагматических, так и эмпирических факторов, а не простым отображением природы, отвлеченным от пользователей языка.

Главным моментом в нашем рассуждении является не отрицание того, что все знаки в языке иметь могут десигнаты и, следовательно, семантическое измерение, а наше стремление обратить внимание на тот факт, что десигнаты знаков в том или ином дискурсе (а следовательно, и обозначаемые как денотаты объекты, если таковые имеются) не находятся на одном и том же уровне: десигнаты некоторых знаков следует искать на уровне семиотики, а не на уровне самого языка-объекта, на котором говорят о вещах; в данном дискурсе такие знаки просто указывают (но не означают в качестве своих десигнатов) отношения других знаков друг к другу или к интерпретатору — в терминах схоластики, они приносят нечто от материальной и простой суппозиции в функционирование терминов в личной суппозиции. Пласты знаков столь же сложны и с таким же трудом поддаются обнаружению, как и геологические отложения; научный и психологический эффект от их обнаружения в любом случае может оказаться значительным.

Сказанного достаточно, чтобы в общих чертах указать область семантики. Строгий анализ семантических терминов, их формальная систематизация, рассмотрение проблемы применимости семантики к иным сферам, чем язык науки (например, к эстетическим знакам), — все это в работе, носящей вводный характер, осуществить явно невозможно. Если на страницах, посвященных семантике, часто упоминались прагматические факторы, то это объясняется необходимостью дополнить семантику прагматикой. Последнее пока еще не столь широко признано, как необходимость дополнить син-тактику семантикой. Верно, что синтактика и семантика, как в отдельности, так и вместе, характеризуются сравнительно высокой степенью автономности. Однако синтаксические и семантические правила — это не что иное, как созданные семиотикой словесные констатации того, каковы особенности употребления знаков реальными пользователями в каждом конкретном случае семиозиса. «Правила употребления знаков», так же как сам термин «знак», — это семиотический термин, и его нельзя определить только синтак-тически или семантически.

V. ПРАГМАТИКА

1. Прагматическое измерение семиозиса

Термин «прагматика» явно был создан с оглядкой на термин «прагматизм». Вполне вероятно, что непреходящее значение прагматизма кроется в том, что он обратил более серьезное, чем прежде, внимание на отношение знаков к их пользователям и впервые глубоко и всесторонне обосновал важное значение этого отношения для понимания мыслительной деятельности. Термин «прагматика» помогает продемонстрировать значительность достижений Пирса, Джеймса, Дьюи и Мида в области семиотики. В то же время термин «прагматика», как специфически семиотический термин, должен получить свою собственную формулировку. «Прагматика» — дисциплина, изучающая отношения знаков к их интерпретаторам. «Прагматику», таким образом, следует отличать от «прагматизма», как и соответствующее английское прилагательное — *pragmatical* «относящийся к прагматике» — от *pragmatic* «относящийся к прагматизму». Поскольку интерпретаторами большинства (а может быть, и всех) знаков являются живые организмы, достаточной характеристикой прагматики было бы указание на то, что она имеет дело с биотическими аспектами семиозиса, иначе говоря, со всеми

психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков. Прагматика также имеет чистый и дескриптивный аспекты; первый возникает в связи с попытками разработать язык, на котором можно было бы говорить о прагматическом измерении семиозиса; последний занимается применением этого языка к анализу конкретных случаев. С исторической точки зрения, в качестве ранней ограниченной формы прагматики можно рассматривать риторику; к прагматическому аспекту науки постоянно обращались также авторы и интерпретаторы различных экспериментальных исследований. Указание на интерпретатора и интерпретацию обычно в классическом определении знаков. Аристотель в сочинении «Об истолковании» говорит о словах как условных знаках мыслей, которые общи для всех людей. В его рассуждении содержится основа теории, которая стала традиционной: интерпретатор знака — это разум; интерпретанта — мысль или понятие; эти мысли или понятия общи всем людям и возникают из постижения разумом объектов и их свойств; произнесенные слова разум наделяет функцией прямого представления этих понятий и опосредованного представления соответствующих вещей; звучания, выбранные для этой цели, являются произвольными и варьируются от одной социальной группы к другой; однако отношения между звучаниями не являются произвольными, а соответствуют отношениям понятий и тем самым вещей. Таким образом, на протяжении большей части своей истории теория знаков была связана с определенной теорией мышления и сознания, причем настолько тесно, что логику, которая всегда испытывала влияние бытующих в ту или иную эпоху теорий знаков, часто трактовали как изучающую понятия — этот взгляд получил точное выражение в доктрине схоластов о логических терминах как терминах вторичной интенции. Даже призыв Лейбница эмпирически изучать знаковые средства как определенные правилами был вызван не отказом от господствующей традиции, а просто стремлением получить таким путем новые и лучшие методы изучения понятий по сравнению с попытками наблюдать мысли непосредственно.

С течением времени большинство положений этой традиционной разновидности прагматики было поставлено под сомнение, и в настоящее время они были бы приняты только с серьезными оговорками. Изменение взглядов произошло очень быстро в результате воздействия на психологию биологической теории Дарвина; новые веяния получили раньше всего интерпретацию в прагматизме. Чарльз С. Пирс, труды которого в семиотике остаются непревзойденными, пришел к выводу, что в конечном итоге интерпретанта знака коренится в привычке, а не в непосредственной физиологической реакции, которую вызвало знаковое средство, или в сопутствующих образах и чувствах, — эта доктрина подготовила путь современному пониманию важности правил употребления. Уильям Джеймс утверждал, что понятие — это не элемент, а способ, посредством которого некоторые данные восприятия функционируют в процессе репрезентации, и что такое «мыслительное» функционирование — это отнюдь не простое созерцание мира, но в высшей степени избирательный процесс, в ходе которого организм получает указания о том, как ему действовать в отношении окружающего мира, чтобы удовлетворить свои нужды или интересы. Джордж Г. Мид особенно интересовался поведением, связанным с функционированием языковых знаков, и социальным контекстом, в котором такие знаки возникают и функционируют. Его труды содержат важнейшие исследования этих аспектов семиозиса с позиций прагматизма. Инструментализм Джона Дьюи — это обобщенный вариант прагматизма, в котором особо подчеркнута операциональное и инструментальное функционирование знаков или «идей».

Если из прагматизма извлечь то, что представляет особый интерес для прагматики, то результат можно сформулировать примерно так: Интерпретатор знака — организм; Интерпретанта — это навык организма реагировать под

влиянием знакового средства на отсутствующие объекты, существенные для непосредственной проблемной ситуации, как если бы они были налицо. Благодаря семиозису организм учитывает существенные свойства отсутствующих объектов или ненаблюдаемые свойства наличествующих объектов, и в этом заключается общее значение идей как инструмента. Если объектом, вызывающим реакцию, выступает знаковое средство, организм ожидает ситуацию того и иного рода и на основе этого ожидания может подготовить себя заранее к тому, что может произойти. Реакция на вещи через посредничество знаков является, таким образом, с биологической точки зрения, продолжением того же процесса, в котором восприятие на расстоянии начинает в поведении высших животных преобладать над восприятием в условиях обязательного контакта; такие животные с помощью зрения, слуха и обоняния уже реагируют на отдаленные части окружения под влиянием определенных свойств объектов, функционирующих как знаки других свойств. Этот процесс учитывания все более и более отдаленного окружения прямо переходит в сложные процессы семиозиса, ставшие возможными благодаря языку, когда учитываемый объект уже не должен обязательно наличествовать в восприятии.

При такой ориентации некоторые из терминов, использовавшихся раньше, предстают в новом свете. Отношение знакового средства к его десигнату— есть реальное учитывание класса вещей, которое осуществляет интерпретатор в своем поведении, реагируя на знаковое средство, а то, что учитывается, есть десигнаты. Семантическое правило имеет своим коррелятом в прагматическом измерении навык интерпретатора использовать знаковое средство при определенных обстоятельствах и, наоборот, ожидать что-то, если используется данный знак. Правила образования и преобразования соответствуют реальным сочетаниям знаков и переходам, которые использует интерпретатор, или ограничениям на использование знаков, которые он устанавливает для себя, подобно тому, как он пытается сознательно управлять другими видами поведения по отношению к лицам и вещам. С точки зрения прагматики, структура языка — это система поведения: аналитическим предложениям соответствуют отношения между знаковыми реакциями и более обобщенными знаковыми реакциями, сегментами которых они являются; синтетическим предложениям соответствуют те отношения между знаковыми реакциями, которые не есть отношения части к целому. Индексальные знаки (или их заместители) в сочетании знаков направляют внимание интерпретатора на части окружения; характеризующий знак-доминанта определяет некоторую общую реакцию (ожидание) на эти части; характеризующие спецификаторы очерчивают границы общего ожидания, причем степень спецификации и выбор знака-доминанты определяются исходя из непосредственно стоящей задачи. Если осуществляются и индексальная и характеризующая функции, интерпретатор выносит суждение; сочетание знаков представляет собой суждение (соответствующее предложению в синтактике и утверждению или пропозиции в семантике). Знак подтверждается в той степени, в какой ожидаемое оказывается таким, каким оно ожидалось; ожидания обычно подтверждаются только частично; могут, кроме того, быть различные степени опосредованного подтверждения того, что указанное с помощью индексального знака действительно имеет свойства, которые от него ожидалось. В целом, с точки зрения поведения, знаки «истинны», поскольку они правильно обуславливают ожидания тех, кто ими пользуется, и тем самым более полно вызывают то поведение, которое имплицитно возбуждено в ожидании или интерпретации.

Подобные утверждения несколько выходят за рамки собственно прагматики и выливаются в более широкий — семиотический — вопрос о взаимосвязи различных измерений; это новая тема, которую еще предстоит специально обсудить. Желательно было бы, чтобы прагматика сама попыталась разработать

терминологию, пригодную для изучения отношения знаков к их пользователям, и систематизировать результаты, полученные при изучении этого измерения семиозиса. Такие термины, как «интерпретатор», «интерпретанта», «условность» (в применении к знакам), «учитывание» (как функция знаков), «подтверждение» и «понимает», — это термины прагматики, тогда как многие собственно семиотические термины, как, например, «знак», «язык», «истина», «знание», имеют важные прагматические компоненты. В систематическом изложении семиотики прагматика предполагает как синтактику, так и семантику, так же как семантика в свою очередь предполагает синтактику: чтобы адекватным образом обсуждать отношение знаков к их интерпретаторам, нужно знать отношения знаков друг к другу и к тем вещам, на которые они указывают своим интерпретаторам. Специфическими для прагматики окажутся термины, которые, не являясь строго семиотическими, не могут быть определены в синтактике или семантике; важное значение может иметь изучение прагматического аспекта различных семиотических терминов, а также констатация того, какие психологические, биологические и социологические явления сопряжены с использованием знаков. Обратимся теперь к некоторым аспектам последней проблемы.

2. Индивидуальные и социальные факторы в семиозисе

Мы можем подойти к этой проблеме и одновременно предупредить возможные возражения, если зададим себе вопрос, почему следует добавлять прагматику к семантике? Может показаться, что, поскольку семантика занимается отношением знаков к объектам и поскольку интерпретаторы и их реакции — это естественные объекты, изучаемые эмпирическими науками, отношение знаков к интерпретаторам входит в компетенцию семантики. Путаница здесь возникает из-за неспособности разграничить различные уровни символизации и отделить — в употреблении термина «объект» — семиотическое от несемiotического. Все, что может быть означено, является (в принципе) предметом изучения унифицированной науки, и в этом смысле все семиотические дисциплины являются частями унифицированной науки. Когда о каком-нибудь измерении семиозиса делаются дескриптивные утверждения, эти утверждения относятся к семантическому измерению более высокого уровня семиозиса, и тем самым не обязательно к тому измерению, которое изучается. Утверждения в прагматике о прагматическом измерении конкретных знаков функционируют преимущественно в семантическом измерении. Тот факт, что прагматическое измерение становится десигнатом для процесса описания более высокого уровня, вовсе не означает, что интерпретанта знака на каком-либо уровне есть десигнат этого конкретного знака. Интерпретанта знака — это навык, в силу которого можно сказать, что то или иное знаковое средство означает некоторые виды объектов или ситуаций; выступая как метод определения совокупности объектов, которые означает данный знак, интерпретанта не является членом этой совокупности. Даже язык унифицированной науки, который содержал бы описание прагматического измерения, не мог бы в момент использования обозначать (денотировать) свое собственное прагматическое измерение, хотя на более высоком уровне употребления описание прагматического измерения могло бы оказаться приложимым к прагматическому измерению более низкого уровня. Поскольку прагматическое измерение предполагается самим существованием отношения десигнации, оно не может быть помещено внутри семантического измерения. Семантика занимается не всеми отношениями знаков к объектам, но, будучи семиотической дисциплиной, занимается отношением знаков к их десигнатам; прагматику, которая изучает другие отношения знаков, нельзя включить ни в семантику, ни даже в семантику в сочетании с синтактикой. Такой вывод совершенно не зависит от отношений физических или биологических сущностей; различие семантического и прагматического измерений есть различие семиотическое и не

имеет ничего общего с отношением биологии и физики.

Вопрос, вероятно, можно поставить более остро, если ввести термин «прагматическое правило». Синтаксические правила определяют знаковые отношения между знаковыми средствами; семантические правила соотносят знаковые средства с другими объектами; прагматические правила констатируют условия, при которых знаковое средство является для интерпретаторов знаком. Любое правило, когда оно реально применяется, выступает как тип поведения, и в этом смысле во всех правилах есть прагматический компонент. Но в некоторых языках существуют знаковые средства, управляемые правилами помимо и сверх синтаксических или семантических правил; такие правила являются прагматическими. Междометия, подобные *Oui*, приказания типа *Иди сюда!*, модальные слова — такие, как *к счастью*, выражения, подобные *Доброе утро!*, различные риторические и поэтические приемы встречаются только при некоторых определенных условиях у тех, кто пользуется языком; можно сказать, что они выражают такие условия, но они их не означают на том уровне семиозиса, на котором они фактически употребляются в повседневном дискурсе. Поскольку условия, при которых употребляются подобные слова, невозможно сформулировать в терминах синтаксических и семантических правил, мы устанавливаем для данных слов прагматические правила.

Теперь можно дать полное определение языка: Язык в полном семиотическом смысле этого термина есть любая, межсубъектная совокупность знаковых средств, употребление которых определено синтаксическими, семантическими и прагматическими правилами.

Интерпретация становится особенно сложной, а индивидуальные и социальные результаты особенно важными в случае знаков языковых. С точки зрения прагматики, языковой знак употребляется в сочетании с другими знаками — членами некоторой социальной группы; язык — это социальная система знаков, опосредующая реакции членов коллектива по отношению друг к другу и к их окружению. Понимать язык — значит употреблять только те сочетания и преобразования знаков, которые не запрещаются употреблением, приняты в данной социальной группе, обозначать объекты и ситуации так, как это делают члены этой группы, иметь, когда используются определенные знаковые средства, те же ожидания, что и у других членов, и выражать свои собственные состояния так, как это делают другие, — короче говоря, понимать язык или правильно его использовать — значит следовать правилам употребления (синтаксическим, семантическим и прагматическим), принятым в данной социальной общности людей.

Часто в связи с языковым знаком вводят еще одно уточнение: он должен быть таким, чтобы его можно было намеренно употреблять в функции коммуникации. Такие термины, как «намеренно», «коммуникация», нуждаются в более серьезном анализе, чем тот, которому их возможно подвергнуть здесь. Сошлемся поэтому на Мида, который в своей книге «Сознание, личность, общество», обсуждая языковой знак (он называет его значащим символом), как кажется, учитывает и мысль, содержащуюся и в упомянутом уточнении. Согласно Миду, первоначальное явление, из которого возникает человеческий язык в полном смысле слова, — это жест, особенно голосовой жест. Знак-жест (такой, как рычание собаки) отличается от знаков-нежестов (таких, как гром) тем, что его знаковое средство представляет собой раннюю фазу социального акта, а десигнат — более позднюю фазу этого акта (в данном случае нападение собаки). Здесь один организм готовит себя к тому, что собирается сделать другой организм, — собака, — реагируя на некоторые действия этого организма как на знаки; в рассматриваемом случае рычание — это знак; нападение — это десигнат, животное, подвергшееся нападению, — интерпретатор, а подготовительная реакция интерпретатора — это интерпретанта. Полезность

знаков-жестов ограничена в силу того, что такой знак не является одинаковым для того, кто его производит, и для его получателя: рычащая собака не реагирует на свое рычание так, как это делает ее противник; такой знак не является общим, и следовательно, это не языковой знак.

С другой стороны, важная черта голосового жеста заключается именно в том, что издающий звуки сам слышит их точно так же, как другие. Когда такие звуки начинают связываться с социальными действиями (такими, как драка, игра, празднество), у различных участников этого действия, несмотря на неодинаковость их функций в нем, оказывается, благодаря общему знаку, и общий десигнат. Каждый участник общей деятельности стимулирует своими голосовыми жестами себя, так же как он стимулирует других. Если соединить сказанное с тем, что Мид назвал временным измерением нервной системы (имеется в виду то, что более ранняя по времени и более медленно возбуждаемая деятельность может вызвать более позднюю и более стремительно протекающую деятельность, которая в свою очередь способствует или препятствует полному возбуждению первоначальной деятельности), то можно получить возможное объяснение того, каким образом языковые знаки намеренно используются в коммуникации. Приведем один из излюбленных* примеров Мида и рассмотрим ситуацию с человеком, который заметил дым в переполненном театре. Дым — это знак-нежест пожара, и его восприятие вызывает до известной степени реакции, свойственные ситуации пожара. Но затем обыкновенно произносится звучащее слово пожар! в качестве реакции, связанной с целой совокупностью реакций на пожар. Поскольку это уже языковой знак, то тот, кто его произносит, начинает реагировать на желание его произнести так, как реагировали бы другие члены данной социальной группы на его произнесение — бежать к выходу, отталкивать других людей, если они загораживают дорогу, и т. п. Однако разные индивиды в силу некоторых глубинных особенностей характера будут реагировать на эти стремления благоприятно или неблагоприятно, будут либо подавлять в себе желание произнести Пожар!, либо уступят ему.

В таком случае говорят, что человек «знал, что он делает», что он «намеренно использовал (или не использовал) определенный знак в общении с другими», что он «учел других». Из этих обычных словоупотреблений Мид делает обобщение: «иметь намерение» или «осознавать нечто» эквивалентно «употреблению языковых знаков». Именно благодаря таким знакам индивидуум способен действовать с учетом последствий для себя самого и для других, и, таким образом, в известной степени контролировать свое поведение; возможность представить вероятные последствия действия посредством производства языковых знаков становится важным фактором для осуществления или неосуществления действия, которое приводит (или кажется, что приводит) к таким последствиям. В подобных процессах получает прояснение понятие выбора, а также вопрос о том, какое различие следует проводить между отправителями и получателями языковых знаков. Поскольку языковой знак социально обусловлен, Мид с позиций своего социального бихевиоризма рассматривал индивидуальный разум и самосознание личности в социальном процессе, в котором объективная коммуникация с помощью жестов интериоризируется в индивиде благодаря функционированию голосовых жестов. Таким образом, именно благодаря достижениям общества, которые стали доступными индивиду в силу его партнерства в общем языке, индивид может стать личностью, развить интеллект, использовать достижения общества для осуществления своих целей. В то же время и общество выигрывает, если его члены способны теперь управлять своим поведением с учетом того, какие последствия это поведение может иметь для других, способны сделать достоянием всего общества собственный опыт и знания. На этих сложных уровнях семиозиса знак предстает как

основное средство развития свободы личности и социальной интеграции.

3. Прагматическое употребление и злоупотребление знаками

Когда знак, произведенный или употребленный интерпретатором, используется как средство получения информации об интерпретаторе, то принимается точка зрения более высокого уровня семиозиса, а именно: дескриптивной прагматики. Такой взгляд на знаки стал общим достоянием благодаря психоанализу в психологии, прагматизму в философии, а теперь и благодаря социологии знания в области социальных наук. Газетные утверждения, политические воззрения, философские теории все больше рассматриваются сквозь призму тех интересов, которые выражены и обслуживаются производством и использованием соответствующих знаков. Для психоаналитиков сны представляют интерес потому, что они проливают свет на того, кто эти сны видит; социологов в области знания интересуют социальные условия, при которых получают распространение те или иные доктрины или системы доктрин. Однако ни первые, ни вторые не интересуются тем, являются ли сны или доктрины истинными в семантическом смысле этого слова, то есть существуют ли ситуации, которые обозначались бы этими снами или доктринами. Подобные исследования, наряду со многими другими, подтвердили на широком материале общий тезис прагматизма об инструментальном характере идей.

Любой знак может быть рассмотрен исходя из психологических, биологических и социологических условий его употребления. Знак выражает свою интерпретанту, но она не является его денотатом; только на более высоком уровне отношение знака к интерпретатору само становится предметом десигнации. Когда это осуществлено и найдено некоторое соотношение, знак приобретает индивидуальную и социальную диагностическую ценность и тем самым становится новым знаком на более высоком уровне семиозиса. Знаки, так же как и вещи, не являющиеся знаками, могут становиться диагностическими знаками: тот факт, что у больного жар, сообщает определенные сведения о его состоянии; аналогичным образом тот факт, что некто использовал определенный знак, выражает состояние этого человека, потому что интерпретанта знака есть часть поведения индивидуума. В таких случаях одно и то же знаковое средство может функционировать как два знака — один, интерпретированный больным как указывающий на свои денотаты, и другой, интерпретированный врачом, ставящим диагноз, как указывающий на интерпретанту, подразумеваемую знаком, исходящим от больного.

Все знаки могут изучаться с точки зрения прагматики, более того, целесообразно в некоторых случаях использовать знаки, чтобы произвести некоторые процессы интерпретации независимо от того, существуют ли объекты, обозначенные знаками, или даже от того, возможны ли формально данные сочетания знаков в свете правил образования и преобразования в том языке, в котором данные знаковые средства обычно используются. Некоторые логики страдают, по-видимому, как бы обобщенным страхом перед противоречиями, забывая, что, хотя противоречия препятствуют обычному применению дедукции, они могут быть вполне совместимы с другими задачами. Даже знаки языка имеют много других применений, помимо сообщения подтверждаемых пропозиций: они могут быть многообразно использованы для управления своим собственным поведением или поведением других людей, употребляющих знаки, путем производства некоторых интерпретант. К этому типу относятся приказания, вопросы, просьбы и призывы и в значительной степени знаки, используемые в литературе, живописи, скульптуре. Эффективное использование знаков для эстетических и практических целей может потребовать весьма существенных изменений по сравнению с наиболее эффективным использованием тех же самых знаковых средств для целей науки. Можно извинить ученых или логиков, если они судят о знаках исходя из своих собственных

интересов, но специалиста-семиотика должны интересоваться все измерения и все употребления знаков; синтактика, семантика и прагматика знаков, используемых в литературе, различных видах искусства, морали, религии и вообще в суждениях, — столь же его дело, как и исследование знаков, используемых в науке. Как в одном, так и в другом случае употребление знаковых средств варьируется в зависимости от цели, которой оно служит.

Семиотика должна не только отстаивать свое законное право изучать для определенных целей воздействие знака на тех, кто будет его интерпретировать, но она должна также поставить перед собой задачу разоблачать смешение различных целей, для которых используются знаки, будь то смешение ненамеренное или сознательное. Подобно тому, как собственно синтаксические или семантические утверждения могут маскироваться в форме, которая заставляет принимать их за утверждения о внеязыковых объектах, точно так же могут маскироваться и прагматические утверждения; тогда они становятся — в качестве квазипрагматических утверждений — особой формой псевдопредложений о вещах. В случаях явной недобросовестности цель достигается тем, что употребленным знакам придаются характеристики утверждений, имеющих синтаксическое и семантическое измерения, так что они кажутся логически доказанными и эмпирически подтвержденными, хотя в действительности ни того, ни другого нет. Для подкрепления обоснованности очевидного утверждения может быть привлечена интеллектуальная интуиция, стоящая якобы выше научного метода. Маскироваться может не только одно измерение под другие, маскировка может наблюдаться и в пределах самого прагматического измерения; цель, несостоятельность которой обнаружилась бы при свете научного исследования, выражается в форме, подходящей для других целей; агрессивные действия индивидуумов и социальных групп зачастую прикрываются покровом морали, а декларируемая цель часто отличается от подлинной. Есть даже особый интеллектуалистский способ оправдывать недобросовестность в употреблении знаков: отрицание того, что у истины есть какие-либо другие компоненты, кроме прагматического, и провозглашение истинным любого знака, если он служит интересам того, кто им пользуется. В свете сказанного выше должно быть ясно, что слово истина, как оно обычно используется, — это семиотический термин, который нельзя употреблять с точки зрения какого-либо одного измерения, в противном случае это должно быть эксплицитно оговорено. Те, кому хотелось бы верить, что «истина» — термин сугубо прагматический, часто ищут поддержки у представителей прагматизма и, естественно, умудряются не заметить (или не признают открыто), что прагматизм как продолжение эмпиризма представляет собой обобщение научного метода для философских целей, что прагматизм не может утверждать, что повседневное употребление слова истина, к чему он привлек внимание, могло бы зачеркнуть ранее установленные факторы. Некоторые вырванные из контекста высказывания Джеймса, казалось, оправдывали такое извращение прагматизма, однако, всерьез изучая Джеймса, нельзя не видеть, что его учение об истине было в принципе семиотическим: он ясно осознавал необходимость привлечения формальных, эмпирических и прагматических факторов; основную трудность для него представляло объединение этих факторов, поскольку у него не было той основы, которую дает развитая теория знаков. Дьюи недвусмысленно отрицал попытки отождествления истины и полезности. Прагматисты утверждали, что у истины есть аспекты, изучаемые прагматизмом и прагматикой; замена этого положения утверждением, что у истины есть только такие аспекты, является интересным примером извращения результатов научного анализа с целью придать правдоподобность квазипрагматическим утверждениям.

Чаще всего «псевдопредложения о вещах» квазипрагматического типа не

являются результатом намеренного обмана других людей посредством использования знаков, но случаями неосознанного самообмана. Так философ, если есть настоятельная необходимость, может на основе сравнительно немногочисленных фактов построить сложную знаковую систему, возможно, даже в математической форме, и тем не менее большинство ее терминов может не иметь семантических правил употребления; впечатление, что по истинности эта система, возможно, стоит выше науки, возникает из смешения аналитических и синтетических предложений и из иллюзии, будто вызванное знаками сочувственное отношение составляет семантические правила. Сходное явление можно наблюдать в мифологии, где нет явного влияния научных типов выражения.

Особенно интересные aberrации претерпевают семиотические процессы в некоторых явлениях, изучаемых психопатологией. Обычно знаки замещают означаемые объекты только до известной степени; но если по тем или иным причинам интерес в самих объектах не может быть удовлетворен, то место объектов все больше и больше начинают занимать знаки. Такое движение очевидно уже в эстетических знаках, но интерпретатор не смешивает по-настоящему знак с объектом, который знак означает: описанный или нарисованный человек может, разумеется, быть назван человеком, но при этом более или менее четко осознается статус знака — это только нарисованный или описанный человек. При использовании сигналов в магии различие проводится менее четко; действия со знаковым средством заменяют действия с трудно уловимым объектом. При некоторых же разновидностях безумия различие между десигнатом и денотатом исчезает вовсе; мучительно-беспокойный мир реально существующего отодвигается в сторону, и неудовлетворенные интересы получают, насколько это возможно, удовлетворение в сфере знаков; при этом в различной степени игнорируются требования непротиворечивости и проверяемости, предъявляемые к синтаксическим и семантическим измерениям. Область психопатологии дает широкие возможности для приложения семиотики и для ее обогащения. Ряд исследователей в этой области уже осознал, что понятие знака занимает здесь ключевое место. И если, вслед за прагматистами, отождествить мыслительные явления с реакциями на знаки, сознание — с референцией при помощи знаков, разумное (или «свободное») поведение — с управлением поступками путем предвидения последствий, которое становится возможным благодаря знакам, тогда психология и социальные науки смогут осознать, в чем состоит различие их задач, и найти свое место в пределах объединенной науки. И нет ничего фантастического в предположении, что понятие знака может оказаться столь же фундаментальным для наук о человеке, как понятие атома для физических наук и клетки для наук биологических.

VI. ЕДИНСТВО СЕМИОТИКИ

1. Значение

Мы изучали некоторые черты феномена функционирования знаков, прибегнув к абстракции, связанной с различением синтактики, семантики и прагматики, — совершенно так же, как биологи изучают анатомию, экологию и физиологию. И хотя мы эксплицитно признавали, что это абстракция, и постоянно соотносили между собой три составные части семиотики, все же теперь целесообразно еще более эксплицитно привлечь внимание к единству семиотики.

В широком смысле, любой термин синтактики, семантики или прагматики — это семиотический термин; в узком же смысле, семиотическими являются только такие термины, которые не могут быть определены исходя только из какой-либо одной составной части семиотики. В строгом смысле семиотические термины — это «знак», «язык», «семиотика», «семиозис», «синтактика», «истина», «знание» и т. п. Ну, а как обстоит дело с термином «значение»? В предыдущем изложении мы его сознательно избегали. И в целом при обсуждении знаков также хорошо было бы

обойтись без термина «значение»; с точки зрения теории, в нем вообще нет нужды, и его не следует вводить в язык семиотики. Но поскольку этот термин имеет громкую историю, поскольку его анализ может прояснить некоторые важные положения данной работы, настоящий раздел будет посвящен его обсуждению.

Путаница, связанная со «значением "значения"», отчасти кроется в неспособности различать с достаточной ясностью то измерение семиозиса, которое является в данный момент предметом рассмотрения, — эта ситуация наблюдается также при недоразумениях с терминами «истина» и «логика». В одних случаях «значение» указывает на десигнаты, в других — на денотаты, иногда — на интерпретанту; в ряде случаев — на то, что знак имплицитует, в других — на процесс семиозиса как таковой, а зачастую — на значимость или ценность. Аналогичная путаница обнаруживается в обычном употреблении слов «означает», «значит», «подразумевает», «выражает», а также тогда, когда лингвисты пытаются определить такие термины, как «предложение», «слово» и «часть речи». Самым легким объяснением причин подобной путаницы было бы предположение, что для тех важнейших целей, которым служат общеупотребительные языки, не было необходимости в точном обозначении различных факторов, участвующих в семиозисе, — на процесс просто указывали каким-либо образом с помощью слова «значение». Но если такое расплывчатое словоупотребление переходит в сферы, где важно понимание семиозиса, возникает путаница. И тогда приходится либо отказаться от термина «значение», либо придумать способы уточнять его употребление в каждом конкретном случае. Семиотика не покоится на теории «значения», напротив, термин «значение» нуждается в разъяснении с точки зрения семиотики.

Другой фактор, способствующий путанице, — психолингвистический: людям вообще трудно мыслить ясно о сложных функциональных и реляционных процессах, и эта ситуация нашла отражение в преобладании определенных языковых форм. Действие сосредоточивается вокруг оперирования вещами, обладающими признаками, но тот факт, что эти вещи и свойства выступают только в сложных связях, осознается гораздо позже и с большим трудом. Отсюда естественность того, что Уайтхед назвал иллюзорностью простой локации [места]. Когда речь идет о значении, попытки искать его напоминают поиски мраморных шариков для игры: значение рассматривается как некоторая вещь среди других вещей, как определенное «нечто», определенным образом расположенное в определенном месте. Таким местом может быть признан десигнат, который тем самым трансформируется в некоторых разновидностях «реализма» в Особый род объекта — нечто вроде «платоновской идеи», обитающей в «царстве сущностей» и воспринимаемой, вероятно, с помощью особой способности интуитивно постигать «сущности». Или же таким местом может оказаться интерпретанта, которая в концептуализме трансформируется в понятие или идею, обитающую в особой сфере мыслительных единиц, отношение которых к «психическим состояниям» индивидуальных интерпретаторов сформулировать очень трудно. Наконец, в отчаянии от такой альтернативы можно обратиться к знаковому средству — хотя в истории такого взгляда придерживались лишь немногие «номиналисты», если вообще таковые были. В действительности же ни одна из этих точек зрения не оказалась состоятельной и необходимой. Как семиотические термины ни «знаковое средство», ни «десигнат», ни «интерпретанта» не могут быть определены без соотнесения друг с другом; следовательно, за ними стоят не изолированные сущности, но вещи или свойства вещей в определенных, точно устанавливаемых функциональных отношениях к другим вещам или свойствам. «Психическое состояние» или даже реакция как таковые не являются интерпретантами, но становятся ими, коль скоро представляют собой «учитывание чего-либо», вызванное

знаковым средством. Точно так же ни один объект как таковой не является денотатом, но становится им, если он выступает как член класса объектов, означаемых с помощью некоторого знакового средства согласно семантическому правилу, которое для этого знакового средства существует. Ничто по своим внутренним свойствам не есть знак или знаковое средство, но может стать таковым, если, выступая посредником, позволяет чему-либо учесть что-либо. Значения не следует размещать как сущности в каком-либо месте процесса семиозиса, но следует определять исходя из этого процесса в целом. «Значение» — это семиотический термин, а не имя в языке, на котором говорят о вещах; сказать, что в природе существуют значения, вовсе не значит утверждать, что имеется класс сущностей наравне с деревьями, скалами, организмами, а значит только, что такие объекты и свойства функционируют в рамках процесса семиозиса.

При таком подходе можно также избежать и другого постоянного камня преткновения, а именно признания значения явлением в принципе личным, частным или субъективным. Исторически такой взгляд во многом складывался благодаря усвоению концептуалистического подхода ассоциативной психологией, которая сама некритически восприняла распространенную метафизическую идею субъективности опыта. Оккам или Локк вполне сознавали важность навыка в функционировании знаков, но по мере того как ассоциативная психология все больше и больше сводила мыслительные явления к сочетаниям «психических состояний» и представляла эти состояния как имеющие место в «мозгу» индивидуума и доступные только его субъективному сознанию, само значение стало рассматриваться в этом свете. Считалось, что значения недоступны наблюдению извне, но что индивидам так или иначе удастся передавать свои личные мыслительные состояния, используя звуки, письмо и другие знаки.

Понятие субъективности опыта невозможно здесь обсудить с той тщательностью, которую заслуживает данная проблема. Можно, однако, предположить, что такой анализ показал бы, что сам термин «опыт» является термином отношения, маскирующимся под название вещи, x есть опыт (experience), если и только если имеется некоторый y (субъект опыта), находящийся с x в отношении опыта. Если сокращенно обозначить отношение опыта как E , тогда класс y -ов, такой, что y находится в отношении E к чему-либо, есть класс субъектов опыта, а x -ы, к которым нечто находится в отношении E , образуют класс данных опыта. Следовательно, опыт не есть особый класс объектов наравне с другими объектами, но объекты в определенном отношении. Отношение E не будет здесь рассматриваться подробно (это составляет основную задачу эмпиризма), но в качестве первого приближения можно сказать, что воспринимать нечто как данное в опыте — значит учитывать свойства этого «нечто» посредством соответствующего поведения; опыт является непосредственным в той степени, в какой он формируется путем непосредственной реакции на нечто, о чем идет речь, и опосредованным в той степени, в какой он формируется через знаки. Для того чтобы y_1 воспринял в опыте x_1 достаточно, чтобы имело силу $y_1 E x_1$, восприятие опыта будет осознанным, если $y_1 E x_1$ есть отношение опыта (то есть если имеет силу $y_1 E [y_1 E x_1]$), в противном случае восприятие опыта бессознательно. Опыт x_1 является *de facto* субъективным по отношению к y_1 если y_1 является единственным, кто находится в отношении E к x_1 ; опыт x_1 является по своим внутренним свойствам субъективным по отношению к y_1 соответственно определенному состоянию знания, если известные законы природы позволяют сделать вывод, что никакой другой y не может находиться в этом отношении к x_1 . Аналогично этому, опыт является *de facto* intersубъективным (межсубъективным), если он не является *de facto* субъективным, и он потенциально intersубъективен, если не является субъективным по своим внутренним свойствам. Следует отметить, что при таком употреблении терминов может оказаться, что человек не в состоянии

непосредственно воспринимать как данные опыта такие аспекты самого себя, которые другие могут воспринимать непосредственно, и таким образом граница между субъективным и intersубъективным опытом отнюдь не совпадает с различием между субъектами опыта и внешними объектами.

Какое же отношение имеет этот (пробный и предварительный) анализ к проблеме значения? Можно допустить, если это будет подтверждено фактами, что существуют некоторые данные опыта, которые являются *de facto* субъективными, когда дело касается непосредственного опыта, и что, возможно, это справедливо и в отношении непосредственного опыта процесса семиозиса; не было бы ничего удивительного в заключении: если я — интерпретатор конкретного знака, значит, имеются некоторые аспекты процесса интерпретации, которые я могу непосредственно воспринимать в опыте, а другие не могут. Важно, что такой вывод не будет противоречить положению о потенциальной intersубъективности любого значения. Тот факт, что y_1 и y_2 не находятся в отношении непосредственного опыта к опыту другого, не мешает обоим непосредственно воспринимать в опыте x_1 а также опосредованно означать (и, следовательно, опосредованно воспринимать), используя знаки, отношения опыта, в которых находится другой субъект — потому, что при определенных обстоятельствах объект, который не дан в непосредственном опыте, может тем не менее быть обозначен. Применим сказанное к случаю конкретного знака: непосредственное восприятие в опыте ситуации значения y_1 и y_2 может быть различным, но тем не менее оба они могут иметь одно и то же общее значение и, как правило, в состоянии решить, что» хочет сказать другой посредством знака и в какой степени эти два значения одинаковы или различны. Для того чтобы определить, какое значение имеет S_1 (то есть — знаковое средство) для y_1 исследователю совершенно не нужно становиться y_1 или иметь такое же восприятие S_1 как y_1 — достаточно определить, как S_1 связано с другими знаками, употребляемыми y_1 в каких ситуациях y_1 использует S_1 для целей означения и каковы ожидания y_1 когда он реагирует на S_1 . В той мере, в какой указанные отношения оказываются одинаковыми для y_2 , как и для y_1 S_1 имеет для них одинаковое значение; в той мере, в какой эти отношения для y_1 и y_2 различны, различается значение S_1 .

Итак, поскольку значение знака исчерпывающе характеризуется установлением для него правил употребления, значение любого знака может быть в принципе определено с помощью объективного исследования. А поскольку таким образом можно (если это целесообразно) стандартизировать такое употребление, то результатом является потенциальная intersубъективность значения любого знака. Даже тогда, когда знаковое средство субъективно по своим внутренним свойствам, существование его с тем или иным значением может быть подтверждено опосредованно. Верно, что на практике определение значения сопряжено с трудностями и что различия в употреблении знаков даже членами одной социальной группы очень велики. Однако, с точки зрения теории, важно понять, что субъективный характер некоторых данных опыта и даже восприятий в опыте знакового процесса совместим с возможностью объективного и исчерпывающего определения любого значения.

Как было сказано выше, термин «значение» был введен здесь лишь условно, для того чтобы более четко представить концепцию данной работы; далее этот термин употребляться не будет, ибо он ничего не добавляет к системе семиотических терминов. Как можно видеть из приведенного выше рассуждения, то, что будет названо знаковым анализом, соответствует требованиям научного исследования. Знаковый анализ — это изучение синтаксического, семантического и прагматического измерений конкретных процессов семиозиса; это выяснение правил употребления данных знаковых средств. Логический анализ в самом широком понимании термина «логика» тождествен знаковому анализу; в более узком смысле

логический анализ составляет некоторую часть знакового анализа, как, например, изучение синтаксических отношений того или иного знакового средства. Знаковый анализ (то есть дескриптивная семиотика) может быть осуществлен в соответствии с общепризнанными принципами научного исследования.

2. Универсалии и универсальность

Некоторые аспекты «универсальности» (или всеобщности [generality]) знаков привлекали внимание уже давно, и их объяснение было источником многих философских споров. Если рассмотреть явления, на которые расплывчато указывают перегруженные термины «универсалии» и «универсальность», сквозь призму семиотического анализа, то можно увидеть разные стороны проблемы, а также связи между ними.

К проблеме можно подойти, исходя из введенного Пирсом разграничения синсигнумов и легисигнумов (sinsign, legisign): синсигмум — это нечто конкретное, функционирующее как знак, тогда как легисигмум есть «закон», который функционирует в качестве знака. Конкретная последовательность начертаний в определенном месте, как, например, англ. house «дом», — это синсигмум; однако эта частная последовательность значков не есть английское слово house, потому что это слово — «одно», в то время как случаи его появления или воспроизведения столь же многочисленны, как различные употребления этого слова. Слово — это закон или навык употребления, своего рода «универсалия» в противопоставлении конкретным случаям его появления. На Пирса указанная ситуация произвела столь сильное впечатление, что он положил различие синсигнумов и легисигнумов в основу своей классификации знаков; это различие было проявлением в области знаков феномена закона (навыка, «Третичности» — Thirdness, опосредования), на объективном характере которого Пирс так настаивал.

Все, что было здесь сказано, совместимо с таким общим подходом; предыдущий раздел должен был ясно показать, что семиозис, будучи процессом функциональным, столь же реален и объективен, как и те факторы, которые функционируют в этом процессе в качестве его составляющих. Следует также признать, что в тех случаях, когда в семиозисе в качестве знакового средства функционирует, скажем, слово house, данный синсигмум (или конкретный случай семиозиса) не тождествен легисигмуму house. Что же тогда представляет собой легисигмум и где в знаковом процессе нужно искать «универсалии» и «универсальность»? Ответ на данный вопрос должен гласить, что элемент универсальности или всеобщности есть во всех измерениях, но путаница возникает в тех случаях, когда эти измерения не разграничиваются и когда утверждения на метаязыке смешиваются с утверждениями на языке-объекте, на котором говорят о вещах.

Можно экспериментально доказать, что в одном процессе семиозиса вместо первоначального знакового средства могут быть подставлены другие, и при этом не произойдет никаких существенных изменений. Удары метронома, к которым привыкло животное, могут ускоряться или замедляться в определенных пределах, не вызывая никаких изменений в реакции животного; слово house может быть произнесено в разное время одним и тем же лицом или разными лицами, различным тоном, и, несмотря на это, оно вызовет одинаковую реакцию и будет использоваться для означения одних и тех же объектов. У написанного слова может существенно различаться величина букв, почерк, цвет чернил и т. п. Вопрос о границах такого варьирования, о том, что остается постоянным в этих границах, решить крайне трудно, даже вооружившись самой совершенной экспериментальной методикой, но сам факт вариативности сомнений не вызывает. Строго говоря, знаковое средство — это только та сторона материального знаконосителя, благодаря которой имеет место семиозис; остальное с точки зрения семиотики несущественно. Сказать, что

то или иное знаковое средство «универсально», значит сказать, что это один из класса объектов, которые имеют свойство или свойства, необходимые для того, чтобы вызвать определенные ожидания, чтобы вступать в определенные отношения с другими знаковыми средствами, чтобы обозначать определенные объекты. Все объекты этого класса подчиняются одним и тем же правилам знакового употребления. Так, house и HOUSE могут быть одним и тем же знаковым средством, а house и Haus не могут: тот факт, что the house is red «дом красен» соответствует правилам английского языка, тогда как the Haus is red не соответствует, показывает, что эти знаковые средства — не одинаковы, поскольку правила их употребления (частично) различны. Ни одну из наук, изучающих знаки, не интересует полное физическое описание знакового средства, они занимаются им лишь в той степени, в какой оно как законодатель соответствует правилам употребления.

В каждом конкретном случае семиозиса знаковое средство представляет собой, разумеется, вполне определенное частное явление, синсигмум; о его «универсальности» (о том, что это легисигмум) говорит лишь один фактор, который можно сформулировать с помощью метаязыка: знаковое средство — это один член из класса объектов, способных выполнять одну и ту же знаковую функцию.

Другая сторона проблемы связана с семантическим измерением. Десигнат знака — это класс объектов, которые знак может обозначать в силу своего семантического правила. Правило может допускать, чтобы знак применялся только к одному объекту или ко многим объектам, но не ко всем объектам и не ко всему. Здесь «универсальность» знака есть просто его потенциальная способность обозначать более чем один объект или ситуацию. Поскольку такое утверждение является семантическим, его можно сформулировать как конверсию отношения денотации: объекты имеют свойство универсальности, если могут обозначаться одним и тем же знаком. Коль скоро множество объектов или ситуаций допускает применение определенного знака, они отвечают условиям, установленным семантическим правилом; следовательно, существует нечто, равно истинное для всех этих объектов и ситуаций, и в этом отношении и в этой степени они тождественны; различия, которые, возможно, и существуют, для данного конкретного случая семиозиса несущественны. «Универсальность (или всеобщность) объектов» — это семантический термин, и говорить так, как если бы «универсальность» была термином в «Вещном языке», обозначающим сущности («универсалии») в реальном мире, значит произносить «вещные» псевдопредложения квазисемантического типа. В Средние века этот факт учитывался в учении, согласно которому «универсальность» — термин вторичной интенции, а не первичной; говоря современным языком, это термин семиотики, а не «вещного языка». В «вещном языке» просто существуют термины, правила употребления которых делают их применимыми ко множеству ситуаций; если же исходить из объектов, можно только сказать, что мир таков, что часто тем или иным знаком может быть обозначено множество объектов или ситуаций.

Аналогичное положение обнаруживается в синтактике, где отношения знаковых средств изучаются постольку, поскольку эти отношения определены правилами образования и преобразования. Сочетание знаковых средств есть некоторое частное [особенное] (a particular) явление, но его форма может быть такой же, как у других сочетаний знаковых средств, то есть множество сочетаний различных знаковых средств может быть результатом одного и того же правила образования или преобразования. В этом случае конкретное сочетание знаков обладает формальной или синтактической универсальностью.

С точки зрения прагматики, для обсуждаемой проблемы существенны два соображения. Во-первых, здесь перед нами некоторый аналог уже описанной семантической ситуации. Тот факт, что некоторые знаковые средства могут

обозначать много объектов, соответствует тому, что ожидания варьируются по степени определенности: следовательно, ожидание может быть удовлетворено целым рядом объектов. Человек ожидает, что завтра будет хороший день — и ряд погодных условий оправдывает его ожидание. Таким образом, хотя реакция в конкретной ситуации специфична, тем не менее в рамках прагматики истинно утверждение, что сходные реакции часто вызываются множеством знаковых средств и удовлетворяются множеством объектов. С этой точки зрения, интерпретанта (как и любой навык) имеет характер «универсальности», который в конкретной ситуации контрастирует с ее индивидуальным характером. В прагматике различается еще один аспект универсальности знаков, а именно социальная универсальность, которая заключается в том, что знак может быть общим для многих интерпретаторов.

В универсальности, присущей семиозису, необходимо, таким образом, различать пять типов. Поскольку термин «универсальность» имеет множество употреблений, в некоторых из этих пяти случаев он явно неуместен. В этой связи мы будем использовать термин «всеобщность» (generality). Существуют пять типов всеобщности знаков: всеобщность знакового средства, Всеобщность формы, всеобщность денотации, всеобщность интерпретанты и социальная всеобщность. Суть вопроса состоит в том, что каждый из этих видов всеобщности может быть констатирован только в пределах семиотики как целого; следовательно, всеобщность — это реляционное понятие, поскольку все отрасли семиотики изучают только отношения. Назвать нечто «всеобщим» или «универсальным» — значит просто употребить «вещное» псевдопредложение вместо точного семиотического выражения; такие термины могут лишь означать, что нечто, о чем идет речь, находится к чему-то еще в одном из отношений, объединенных в указанных выше пяти типах всеобщности знаков. Таким образом, сохраняется то, что не потеряло значения в теориях номинализма, реализма и концептуализма; в то же время удается устранить последние попытки трактовать всеобщность как субстанцию или сущность, приняв тот уровень дискурса, на котором можно адекватно обсуждать всеобщность, и осознав реляционный характер терминов, употребляемых на этом уровне.

3. Взаимосвязь семиотических наук

Поскольку в настоящее время наблюдается тенденция к специализированным исследованиям по синтактике, семантике и прагматике, необходимо решительно подчеркнуть взаимосвязь этих наук в пределах семиотики. И действительно, семиотика, будучи более широкой наукой, чем эти дисциплины, изучает главным образом их взаимосвязи и тем самым семиозис в целом — чем каждая из этих Дисциплин по отдельности не занимается.

Один из аспектов взаимосвязи дисциплин, составляющих семиотику, заключается в том, что, хотя каждая из них так или иначе имеет дело со знаками, ни о два не может определить термин «знак» и, следовательно, дать определение самой себе. Так, например, «синтактика» — термин не синтактический, но сугубо семиотический, и то же самое справедливо в отношении «семантики» и «прагматики». Синтактика занимается правилами образования и преобразования, но правила предполагают возможные способы поведения и, следовательно, понятие интерпретатора; таким образом, «правило» — это термин прагматики. Семантика эксплицитно указывает на знаки только как на десигнаты объектов или ситуаций, однако это отношение невозможно без семантических правил употребления; таким образом, вновь имплицитно вводится понятие интерпретатора. Прагматика непосредственно имеет дело с интерпретируемыми знаками, но «интерпретатор» и «интерпретанта» не могут быть определены без использования терминов «знаковое средство» и «десигнат» — поэтому все эти термины являются в строгом смысле слова семиотическими терминами. Эти соображения — сами по себе лишь немногие из

возможных — показывают, что, хотя сами семиотические дисциплины не устанавливают отношения друг к другу, они могут быть разграничены и охарактеризованы только в пределах более широкой науки, составными частями которой они являются.

Верно также, что тот, кто изучает какое-либо измерение семиозиса, употребляет термины, имеющие все три измерения, и использует результаты, полученные при изучении других измерений. Правила, управляющие знаковыми средствами изучаемого языка, должны быть поняты, а «понимание» — это термин прагматики. Правила соединения и преобразования возможных знаковых средств не могут быть составлены просто применительно к каким-то возможным знаковым средствам, они должны реально функционировать как знаки. В дескриптивной синтактике должны быть знаки для обозначения изучаемых знаковых средств, и цель ее — построить истинные утверждения об этих знаковых средствах, однако термины «обозначать» и «истинный» не относятся к синтактике. Семантика изучает отношение сочетания знаков к тому, что оно обозначает или может обозначать, но это подразумевает знание структуры сочетания знаков и семантических правил, благодаря которым существует отношение денотации. Прагматика не может уйти далеко без учета формальных структур, которым она должна найти прагматическое соответствие, и отношения знаков к объектам, которое она стремится объяснить с помощью понятия навыка употребления. Наконец, языки синтактики, семантики и прагматики имеют все три измерения: они означают определенный аспект семиозиса, они имеют формальную структуру и им присущ прагматический аспект, коль скоро их используют или понимают. Тесная взаимозависимость семиотических дисциплин позволяет говорить о семиотике как о единой науке, но не следует забывать, что указанные дисциплины основаны на трех не сводимых друг к другу подходах, которые обладают относительной самостоятельностью и соответствуют трем объективно существующим измерениям семиозиса. При изучении любого знака может быть использован любой из этих трех подходов, хотя ни один из них в отдельности не охватывает всей сущности знакового процесса. Можно сказать, что в некотором смысле ни один из этих подходов не имеет предела, то есть такой черты, дойдя до которой исследователь должен был бы отказаться от одного подхода и перейти к другому. Это просто объяснить: ведь при каждом подходе исследуются разные аспекты семиозиса. Сосредоточивая внимание на каком-то одном измерении, мы сознательно отвлекаемся от тех аспектов процесса, которые можно изучить при других подходах. Синтактика, семантика и прагматика — составные части единой науки семиотики, но такие составные части, которые взаимно не сводимы друг к другу.

VII. ПРОБЛЕМЫ И ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Объединение семиотических наук

Нам остается коротко рассказать о стоящих перед семиотикой проблемах, а также обрисовать возможные области применения семиотики. Данный раздел в этой связи можно условно разделить, на три части: объединение семиотических наук, семиотика как органон [инструмент] наук и значение семиотики для гуманитарных наук. Цель нижеследующих замечаний — привлечь внимание к этим проблемам, подсказать направление поисков решений, а не сами решения.

Изложение предмета, данное выше, было приспособлено к задачам введения. Большие области семиотики были опущены, точность формулировок часто приносилась в жертву стремлению избежать длительного предварительного рассуждения, приводимые примеры рассматривались только с такой степенью детализации, какая была необходима для иллюстрации обсуждаемой проблемы. Хотя в целом очертания семиотики обозначились достаточно четко, она все еще не достигла состояния развитой науки. Дальнейшее развитие потребует

сотрудничества многих исследователей. Нужны и собиратели фактов, и систематизаторы. Первые должны выяснить, при каких условиях протекает семиозис и что происходит в этом процессе; вторые на основе имеющихся фактов должны создать строгое упорядоченное теоретическое построение, которое в свою очередь в будущем могло бы пригодиться собирателям фактов. Одну из важных теоретических проблем составляет отношение разных типов правил. Предлагаемая здесь теория знаков обнаруживает многие точки соприкосновения с конкретными исследованиями биологов, психологов, психопатологов, лингвистов и других представителей социальных наук. При систематизации с большой пользой может быть применена символическая логика; ведь поскольку семиотика всегда имеет дело с отношениями, она особенно подходит для применения к ней логики отношений. Деятельность и собирателей фактов, и систематизаторов одинаково важна; и они должны работать рука об руку, предоставляя друг другу материалы своих исследований.

Ученым-семиотикам следует понять, что в истории семиотики можно найти много полезного, что может послужить и как стимул, и как область приложения. Такие убеленные седины доктрины, как учение о категориях, о трансцендентных идеях, о предикабилиях, можно рассматривать как первые шаги семиотики, в которые должна быть внесена ясность в свете ее последних достижений. Споры древних греков о знаке напоминающем и указывающем, средневековые учения об интенции и суппозиции заслуживают того, чтобы к ним вернулись и дали им новую интерпретацию. Богатый дополнительный материал дает история лингвистики, риторики, логики, эмпиризма и экспериментальной науки. Семиотика имеет богатые традиции, и, подобно другим наукам, она должна сохранять к своей истории живой интерес.

В настоящее время достижения таких наук, как логика, математика, лингвистика, могут быть переосмыслены с семиотических позиций. Логические парадоксы, теория типов, законы логики, теория вероятностей, различие дедукции, индукции и гипотетического умозаключения, модальная логика — все эти темы могут обсуждаться в рамках теории знаков. В той мере, в какой математика есть знание о структурах языкового типа, ее также можно рассматривать как часть семиотики. Что касается лингвистики, то она явно подпадает под семиотику, занимаясь в настоящее время определенными аспектами сложных знаковых структур, образующих языки в полном семиотическом смысле этого слова. Возможно, что всеми признанное неудовлетворительное положение с такими терминами, как «слово», «предложение», «часть речи», может быть исправлено, если будут учтены знаковые функции различных языковых средств. Древние проекты создания универсальной грамматики приобретают новую форму и оправдание, если в их основу будет положено учение, что все языки выполняют сходные знаковые функции, используя разные средства.

Логика, математика и лингвистика могут быть включены в семиотику полностью. Что касается некоторых других наук, то это возможно лишь частично. В значительной части под компетенцию семиотики подпадают проблемы, оцениваемые как эпистемологические или методологические: так, эмпиризм и рационализм являются в своей сути теориями о том, когда имеет место отношение денотации, или о том, когда можно сказать, что оно имеет место; обсуждение проблем истинности и знания неразрывно связано с семантикой и прагматикой; обсуждение процедур, применяемых в науке, если это не просто раздел логики, психологии или социологии, должно соотнести эти процедуры с познавательным [когнитивным] статусом утверждений — результатом их приложения [к миру]. Эстетика в той мере, в какой она изучает определенный вид функционирования знаков (таких, например, как иконические, десигнатами которых являются ценности),

— семиотическая дисциплина, имеющая синтаксический, семантический и прагматический компоненты, и различение этих компонентов может лечь в основу эстетического анализа. Социология знания есть явно часть прагматики, так же как и риторика; семиотика — это система, которая охватывает современные эквиваленты древнего «тривия» (trivium) — логики, грамматики и риторики. Согласно высказанному уже выше предположению, частичный (а возможно, и абсолютный) критерий отграничения психологии и ряда социальных наук от других биологических и социальных наук можно найти в том, что первые имеют дело с реакциями, опосредованными знаками. Само возникновение семиотики представляет собой определенную стадию в унификации наук, связанных полностью или частично со знаками; семиотика может также сыграть важную роль связующего звена между биологическими науками, с одной стороны, и психологией и социальными науками — с другой, пролив новый свет на соотношение так называемых «формальных» и «эмпирических» наук.

2. Семиотика как органон наук

Семиотика занимает среди других наук уникальное место. Можно, по-видимому, сказать, что всякая эмпирическая наука занимается поисками данных, которые могли бы служить в качестве надежных знаков; и бесспорен тот факт, что всякая наука должна воплотить свои результаты в знаки языка. Следовательно, ученый должен быть столь же тщательным в обращении со своим орудием — языком, как и при конструировании приборов или проведении наблюдений. Именно к семиотике должны обращаться науки за понятиями и общими принципами, существенными для решения их собственных проблем знакового анализа, потому что семиотика — это не просто наука среди других наук, а органон, или инструмент, всех наук.

Эта функция может быть осуществлена двумя путями. Первый путь состоит в том, чтобы сделать подготовку в области семиотики постоянной частью образования ученого. Благодаря этой подготовке, ученые стали бы более критически относиться к своему лингвистическому аппарату, вырабатывать в себе навыки осторожного с ним обращения. Другой путь заключается в конкретном исследовании языков специальных наук. Выраженные с помощью языка достижения наук — часть предмета, изучаемого дескриптивной семиотикой. Конкретный анализ основных терминов и проблем в тех или иных науках покажет специалистам значение семиотики гораздо более эффективно, чем самое длинное абстрактное рассуждение. Такими исследованиями являются другие очерки в настоящей «Энциклопедии». В современных научных теориях встречается много псевдопроблем, возникших из смешения утверждений на языке семиотики и на языке-объекте, — многочисленные примеры тому можно было увидеть в недавних дискуссиях по проблемам индетерминизма и принципа дополнительности. Эмпирические проблемы нелингвистического порядка не могут быть решены исходя из лингвистических соображений; но очень важно, чтобы эти два рода проблем не смешивались и чтобы нелингвистические проблемы формулировались в такой форме, которая способствовала бы их эмпирическому решению. Классическая логика считала себя органом наук, но в действительности она была неспособна осуществить эту задачу; современная семиотика, соединив в себе новые веяния в логике и широкое многообразие подходов к знаковым явлениям, возможно, попытается взять на себя эту роль.

3. Значение семиотики для гуманитарных наук

Знаки служат не только приобретению знания, но и другим целям, поэтому дескриптивную семиотику следует рассматривать шире, чем изучение языка науки. В соответствии с различными целями были разработаны более или менее специализированные языки, которые в известной степени следуют за различными измерениями семиозиса. Так, математическая форма выражения хорошо

приспособлена для того, чтобы выдвигать на первый план взаимосвязь терминов в языке, так что отношение к объектам и интерпретаторам отодвигается назад; язык эмпирической науки особенно пригоден для описания природы; язык морали, изобразительных и прикладных искусств особенно подходит для управления поведением, для представления вещей или ситуаций как объектов интереса, для манипуляции вещами с целью достижения желаемых результатов. И во всех этих случаях представлены все измерения семиозиса, но некоторые из них занимают подчиненное положение или частично преобразованы, в силу того что внимание сосредоточено на одном из измерений. У утверждений математики, возможно, есть эмпирический аспект (многие из них действительно были открыты эмпирическим путем); математические проблемы могут возникнуть в связи с проблемами в других областях, но язык математики отводит этим факторам подчиненную роль, чтобы лучше осуществить ту задачу, для выполнения которой он был создан.

Эмпирические науки заняты в действительности не столько тем, чтобы получить все возможные истинные утверждения (как, например, утверждение о площади каждого знака на этой странице), сколько тем, чтобы получить важные истинные утверждения (то есть утверждения, которые дают надежную основу для предсказания и в то же время помогают в создании систематической науки), — но язык эмпирической науки приспособлен для выражения истины, а не важности ее утверждений. Лирическая поэзия обладает синтаксисом и использует слова, означающие вещи, но ее синтаксис и слова действуют таким образом, что для читателя на первый план выступают ценности и оценки. Максимы прикладных искусств покоятся на истинных пропозициях, существенных для достижения определенных целей («чтобы достигнуть x , сделай так и так»); у моральных суждений аналогичным образом может быть эмпирический компонент, но кроме этого, они могут предполагать желательность достижения определенной цели и стремиться управлять поведением («Вам следует сделать вашему ребенку прививку», то есть «Принимая как само собой разумеющееся цель сохранения здоровья ребенка, прививка в настоящее время является наиболее надежным средством достижения этой цели, поэтому ее нужно сделать»).

Семиотика дает основу для понимания важнейших форм человеческой деятельности и связи этих форм друг с другом, поскольку все эти виды деятельности и все отношения находят отражение в знаках. Такое понимание оказывает действенную помощь, устраняя смешение различных функций, осуществляемых посредством знаков. Как сказал Гёте: «Нельзя на самом деле придирается ни к какой форме представления» — при условии, разумеется, что та или иная форма представления не выдает себя за то, чем она не является. Способствуя пониманию человеческой деятельности, семиотика обещает осуществить одну из задач, традиционно считавшихся философскими. Философия часто грешила, смешивая в своем собственном языке различные функции, которые выполняют знаки. Но, согласно старой традиции, философия должна стараться постичь специфические формы человеческой деятельности, стремиться к наиболее общему и наиболее систематическому знанию, какое только возможно. В современной форме эта традиция выступает в отождествлении философии с теорией знаков и с унификацией науки, иначе говоря с общими и системными аспектами чистой и дескриптивной семиотики.
